

Ислам Узалов

Неэкономная экономика

Ислам Узалов

Неэкономная экономика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470742

ISBN 9785005189592

Аннотация

Настоящая монография является сборником статей полемического характера из числа опубликованных автором с начала двухтысячных годов. Они отражают его оценки ряда аспектов состояния региональных экономик РФ и путей их развития на примере Республики Дагестан.

Содержание

Финансы запели романсы?	5
Горькое лекарство	27
Старые песни о главном	62
Модернизация	110
Земельный ответ	121
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Неэкономная экономика

Ислам Узалов

© Ислам Узалов, 2020

ISBN 978-5-0051-8959-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Финансы запели романсы?

I

Призрак бродит по России... Нет, не коммунизма и не тень отца Гамлета. Имя призраку финансовый кризис.

– Я знал, я знал!... Заламывают руки экономисты.

– Я же предупреждал!...

Но каждый под этим понимает своё.

Однако, есть и что-то общее.

Такое впечатление, что им всем очень хочется, чтобы экономика наконец-таки накрылась медным тазом, и предсказание сбылось.

Родное правительство успокаивает:

– Спокойно, ребята, у нас всё под контролем. Меры принимаются. Это не грипп, а лишь легкий насморк – отголоски страшной эпидемии на Западе.

Те же экономисты опять в трансе:

– Не тот диагноз!... Не так лечите!... Это дорога ведёт на кладбище!...

И опять при этом каждый имеет в виду своё.

Обыватель поёживается.

Правительству он давно привык не верить.

В его памяти всплывают пустые прилавки восьмидесятых,

Гайдар с реформами, дефолт с руками Геращенко, которые он, если что, обещал дать на отсечение и Ельцин, грозивший за народ свой лечь на рельсы.

Ельцина, как известно, отвезли на Новодевичье кладбище вовсе не как жертву железнодорожного происшествия и Геращенко до сих пор почему-то не инвалид, да и Гайдар, хоть и не обещал в залог какую-нибудь часть своего тела, пока в порядке.

Хорошо хоть простой обыватель не внимает ещё и господам из числа вечных оппозиционеров – тех на государственном телевидении не особо жалуют, а «Новую газету» он, как правило, не читает и «Эхо Москвы» не слушает.

Тем не менее, его сознание раздваивается поскольку тот же гостелевизор, сообщивший об ужасном кризисе на Западе, отчего-то не показывает толпы обездоленных европейцев, идущих колоннами на баррикады.

А американцы-гады, породившие этот самый кризис и первые кандидаты, чтобы рухнуть в его пучину, так те вообще с ума посходили, устроив шоу с выборами своего загорелого, как заметил Сильвио Берлускони, президента Обамы.

– Пир во время чумы?

– А от чего тогда в родном отечестве так спокойно?

Не считая, конечно, нескольких триллионов рублей, которые родное правительство выделяет для поддержки экономики. Но это далеко, высоко и непонятно.

Кто из вас видел триллион рублей?

Ну, хотя бы издалека? То-то же.

– Говорите инфляция? Да эти 20—25% – курорт в сравнение с 200—300% пятнадцатилетней давности.

Если же поверить в 13—14%, обещаемые российским, как всегда, оптимистичным в этом вопросе минэкономки, то можно даже заказывать шампанское и цыган:

– К нам приехал, к нам приехал Владим Владимыч дорогой.

Ну и, где он, этот чёртов кризис?

Не торопитесь. Он ещё только начался.

Но и не особо паникуйте – конца света не будет.

Это уже не времена Карла нашего Маркса с «Манифестом...» в одной и «Капиталом» в другой руках и даже не Великой депрессии.

С тех пор в мире немножко научились рулить экономикой в условиях кризиса и даже в какой-то мере предупреждать его.

Такая жизнь успела избаловать Запад и он воспринимает как тяжёлую травму то, на что мы у себя пока ещё реагируем, как на небольшой ушиб.

Сколько помню себя, столько он проклятый и бьётся в тисках нескончаемых кризисов и никак не даст дуба.

Ну, обанкротились страховая компания и несколько банков, а несколько заводов решили остановить производство

на недельку-другую. Ну, рост экономики замедлится и вместо прошлогодних 1—3%, составит 0,5—1,5%.

А скажи слово рецессия, так они сразу в обморок, хотя им по нашим меркам, вроде как, и расти-то дальше некуда – что русскому здорово, то немцу смерть.

Их бы на недельку без света или воду на несколько лет по два часа в сутки.

Можно и рецессию, но не на их 0,1—0,9%, видимую лишь через микроскоп, а «весомо, грубо, зримо» – на наши 50—70%. Вымерли бы сразу слабаки.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы российские труженики чего-либо устроили забастовку с требованием повысить на какие-то 5% зарплату? А у них выходят на улицы.

Странные какие-то... с барабанами, дудками... Как на карнавале.

На второй автомобиль или поездку на Канары перестало хватать. Вот и кризисуют.

Ну, заморожены и фактически обесценились сотни миллиардов долларов в ипотеке. Так не последние же. Напечатывают ещё.

Вон, Жора Буш их оптимистичный на прощание пообещал 700 миллиардов. Тем не менее, крик стоит на весь мир.

И всё от того, что они не могут стерпеть даже малейшее ухудшение качества жизни.

Это вам не российская бабушка, у которой в своё время превратили в пыль то, что она годами по чуть-чуть собирала

на похороны.

Их grandmother от такого потрясения на второй день око-
чурилась бы, а наша до сих пор жива.

Хоть и в обносках, но опять потихоньку, как муравей, от-
кладывает на очередные гробовые.

Как же, без них и умереть? Непорядок.

Ладно. Это они там так загнивают. Бесконечно.

А как быть нам?

Как вести себя региональным властям и в, частности, да-
гестанской, чтобы не произошло, не дай бог, катастрофы?

Я уже замечал как-то, что регионы не располагают практи-
чески никакими собственными инструментами оперативно-
го реагирования на возникшую в глобальном масштабе кри-
зисную ситуацию и поэтому их задачи остаются теми же, ка-
кими были и ранее – формирование благоприятного инве-
стиционного климата, инфраструктура, социальный сектор.

Остаётся только надеяться, что дыхание кризиса заста-
вит нашу властную вертикаль более ответственно относиться
к этим задачам, хотя бы ещё и потому, что дотации из цен-
тра могут оказаться не в таком количестве, что предполагал-
ись, а потенциальные инвесторы и кредиторы, безусловно,
стали ещё пугливее.

Мне, правда, возражают (М. Чернышёв), усматривая
в этом почему-то призыв расслабиться и вообще ничего
не делать – дембель для дебила – пьянки-гулянки и беско-

нечные перекуры с разговорами на рабочем месте.

Берётся и другое сравнение – вместо того, чтобы броситься спасать тонущего (в смысле, дагестанскую экономику), я предлагаю заниматься тем же, чем занимались и до этого – делать своё дело.

И правильно предлагаю, если у вас нет спасательных средств, да и сами федеральные спасатели уже начали действовать.

Или, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, благодаря которым, кстати, содержатся и спасатели с их средствами, регионалам нужно оставить всё и бегать вдоль берега, воздевая руки к небу?

И это поможет?

Ну, тогда критику место в компании с другим автором, который недавно сообщил, что после известного дефолта правительство Дагестана успешно справилось с инфляцией и гиперинфляцией.

Мне известно о том, как государства борются с инфляцией, но о том, как этим, занимаются их отдельные, к тому ж, дотационные, провинции, слышу впервые.

В Дагестане конечно, очень мудрое правительство, но даже оно располагает возможностями сдерживать инфляцию, а за одно и рулить финансовым кризисом такими же, как и влиять на температуру воды в Каспийском море.

Что же касается дембеля, то для нормального человека он означает переход от казарменного режима с его ограничени-

ями к активной полноценной жизни на гражданке, а не безделью, как почему-то захотел понять мой критик.

А может я, всё-таки, не прав и ему известно что-то такое особенное, чем в качестве «скорой помощи» немедленно должна заняться республика?

Ну, если считать спасательными кругами такие идеи его мобилизационного плана, как создание при министерствах Управлений по реализации не существующей ещё Стратегии 2020, государственно-частное партнёрство, которое, даже, если осуществляются все иллюзии, способно хоть как-то влиять на положение дел никак не раньше чем через 3—4 года, или реорганизацию министерств, на которую если всё окажется удачным, до момента получения первых заметных плодов уйдёт, как минимум, 1—2 года, тогда, конечно.

«Утопающий» к тому времени успеет ещё раз пять утонуть.

А вообще-то он считает, что нужно «подготовить и реализовать антикризисные меры, достичь коалиции интересов наиболее активных социальных групп, дать чёткое представление о том, что ждёт нашу республику в ближайшей перспективе (10—12) лет».

– Дефибриллятор, искусственное дыхание, кислородная подушка...

Коллега, по моему, даже не представляет, насколько предлагаемая им антикризисная спасательная операция выглядит

странно на фоне собственной критики.

Воспользуюсь его же образным сравнением.

Оказывается, тонущему можно помочь, собрав активистов и устроив на берегу митинг, чтобы рассказать, как всё сложится через десять лет.

Я, в принципе, не против, но никак не вижу в этом МЧС. Правда, в цитате упомянуты ещё и некие антикризисные меры, но они никак не расшифровываются.

В его прежних публикациях на тему мобилизации власти региональная «скорая помощь» тоже никак не проглядывается. Не считая, конечно, упомянутых выше долгоиграющих проектов. А её – специальной дагестанской антикризисной скорой помощи, как ни изворачивайся, не может быть никакой.

Слава богу, что правительство это, вроде как, тоже понимает и уже не устраивает экстренные заседания и не раздаёт поручения вроде тех, которые раздавало с год назад, когда подскочили цены на хлеб и молоко.

Как известно, это кончилось ничем.

Цены, совсем не чувствуя усилия дагестанского правительства, сегодня там, где они и должны были быть.

Повторюсь – сейчас оперативным спасателем в состоянии выступать только федеральная власть и никто более. Регионы же должны добросовестно заниматься своими обычными делами, заложенными в планах и программах, думать заодно над Стратегией 2020, а не изображать непонятно какую

активность и митинговать.

Чем эффективнее они будут заниматься своими обычными рутинными обязанностями, тем мягче будет вхождение в кризис и успешнее выход из него.

Иной роли для регионов не предусматривают ни законы экономики, ни законы РФ.

А как быть предприятиям – производителям товаров и услуг?

– Пару дней назад в телевизоре давал интервью директор ювелирной фабрики «Кристал» из Смоленска – крупнейшей в мире по обработке алмазов. На ней производится их огранка.

Он рассказал много интересного про то, как кризис отражается на мировом рынке алмазов и бриллиантов, но я не об этом.

Под конец журналист поинтересовался, как собирается фабрика выживать в условиях кризиса и руководитель сказал, на первый взгляд, банальнейшую, но очень правильную вещь.

Они собираются работать над совершенствованием технологии, закупать новое оборудование, улучшать управление и пр., пр.

То есть, получается, что они собираются заниматься тем же, чем должны заниматься всегда – повышать качество и снижать издержки.

Не изобретать велосипед, а усиливать свою конкурентоспособность.

Единственно, полагаю, экстремальность ситуации, будет заставлять их делать это быстрее и лучше – слишком велика цена ошибки, чего желаю и дагестанским производителям.

Опоздал, значит проиграл.

Слабые уйдут и произойдёт передел рынка в пользу сильных.

Хорошо.

– Но что же делать лично мне? вполне резонно спросит читатель.

Ответы будут разными. Всё зависит от вашего финансового состояния.

– Если вы живёте от зарплаты до зарплаты, а таких у нас абсолютное большинство, то ничего особенного.

Не суетитесь, готовьтесь морально к некоторому, но не катастрофическому, ухудшению своего благосостояния и ищите возможность зарабатывать больше хотя бы на стороне.

Ещё совет: – В связи с предполагаемой угрозой сокращений старайтесь так работать, чтобы считаться первым кандидатом на повышение и последним на увольнение.

Правда, это совет на все времена, а не только кризисные известен всем и без меня. Беда только в том, что далеко не все ему следуют. Однако, страх увольнения, возможно, и внесёт некоторый перелом.

Ну и последнее: – Даже после увольнения безработица вам особо не грозит, если, конечно, вы не хотите работать непременно в ГИБДД, прокуратуре или, на худой конец, налоговой инспекции.

Спрос на многие категории работников и, прежде всего, рабочих специальностей, скорее всего, сохранится.

Мало того, федеральное правительство собирается привлечь на следующий год в страну дополнительно порядка четырёх миллионов иностранных рабочих (!).

Сейчас экономисты спорят – много это или мало, но никто не ставит под сомнение, что нехватка рабочих рук всё равно, ожидается.

Вот такой вот кризис с прогнозируемым экономистами ростом ВВП на 5%.

За исключением законченных снобов или бездельников, остальным, потерявшим работу, достаточно будет найти среди множества вакансий другую и стоять в очереди за бесплатной похлёбкой от какой-нибудь Армии спасения вам не придётся. Естественно, всё выше, а заодно и ниже изложенное предполагает, что российская власть в период кризиса не совершит каких-либо слишком уж больших глупостей и будет действовать, если не на пятёрку, хотя бы на твёрдую тройку.

Думаю, благоразумия вместе с чувством самосохранения ей на это хватит.

Если же у вас имеются некоторые накопления и ваша фа-

миллиарда не Медведев или Путин, которым должность обязывает хранить их в рублях, или вы не биржевой спекулянт, то постарайтесь распределить свои скромные накопления равномерно между рублём, долларом и евро. Это вас не обогатит, но поможет сохранить большую часть их покупательной способности.

Пока ещё остаётся в силе классическое правило – не класть все «яйца» в одну корзину.

Экономика слишком сложная штука и даже великие экономисты нередко ошибаются в прогнозах. Иначе кризисов не было бы вообще.

Если же ваше имя Сулейман Керимов и вы перед самым кризисом, распродав акции Газпрома и Сбербанка, приобрели бумаги какого-нибудь Дойчебанка, то, прежде всего, купите футбольный клуб «Анжи» и этим конвертируйте затянувшиеся ожидания болельщиков в их любовь и признательность. Это создаст вам хорошую ауру, которая защитит от многих других возможных неприятностей.

Однако, звёзды благоприятствуют не только этому.

Имейте в виду, что вы, возможно, упускаете время для возвращения в Россию и приобретения вновь акций, хотя бы того же Газпрома, которые подешевели вчетверо, но уже потихоньку начали движение вверх.

Газпром со своими месторождениями и трубопроводами никуда не делся, а газ в обозримом будущем всё ещё будет нужен всем. Так что, даже если волатильность, как говорят

экономисты, курса сохранится, через какое-то время (год-два?) стоимость акций восстановится если не полностью, то близко и вы станете богаче ещё в несколько раз.

Этот же совет можно дать и всем остальным, кто может позволить себе накопления не только в скромных объёмах наличности «на чёрный день».

Заодно имейте в виду, что традиционные вложения в недвижимость сейчас очень рискованны.

Скорее всего, можно пролететь. Но это в России.

А вот в США, если, конечно, они вам интересны, покупать недвижимость почти самое время.

Цены на неё там, в отличие от нас, уже успели существенно опуститься. Возможно, опустятся ещё, но и рост их в будущем неизбежен.

Как видите, финансы поют разные романсы.

Кому, может, и «жестокий», а кому: – «Отвори поскорее калитку и войди в дивный сад...».

Главное – не ошибиться «калиткой»

II

Кризис, кризис... А вообще, откуда он берётся?

Нет, то, что США со своей ипотекой сегодня главный злодей и даже изгой, плюнуть в адрес которого считается хорошим тоном, это понятно. Однако, я имею в виду более глубокие причины.

От чего мировую экономику периодически трясут эти самые кризисы? И, ведь, далеко не всегда по причине злодейства именно США.

Ну, если спросить товарища Зюганова, а, тем более, Анпилова, то это есть свидетельство порочности способа производства, присущей гидре капитализма от рождения.

И, нужно сказать, они, как и товарищи Карл Маркс с Владимиром Ильичём Лениным, совершенно правы.

Но дело в том, что и социализм подвержен кризисам не меньше капитализма.

Мало того, социалистическая экономика оказалась в никогда не прекращающемся кризисе с первого дня своего существования (вспомним вынужденную попытку очень осторожного возврата в капитализм, закамуфлированную Лениным под названием новой экономической политики – НЭП) и пребывала в нём до тех пор, пока не развалилась окончательно.

Разве, например, унижающий человеческое достоинство, вечный дефицит всего, на фоне которого антигуманный капитализм смотрится куда человечнее «гуманного» социализма, не есть свидетельство кризиса?

Разве не рухнул наш социализм, когда полки магазинов окончательно опустели?

Уже воспрянули духом и сторонники пусть не социа-

лизма, но жёсткого государственного регулирования экономики, припоминая сторонникам свободы предпринимательства, как те, игнорируя их поучения, ошибались, упоывая на невидимую руку рынка, которая сама расставит всё по своим местам.

Они с сарказмом прокомментировали выступление Буша за несколько дней до известного саммита «двадцатки» в Вашингтоне, в котором тот заявил, что кризис не должен ставить под сомнение необходимость сохранения свободных и открытых рынков

– Видели, де, мы то, на что способен такой рынок.

Самое любопытное, что сарказм был адресован лидеру страны, никем не оспариваемая экономическая мощь которой сформировалась, в первую очередь, благодаря именно наличию свободной рыночной экономики.

«А клоун кажется глупее нас и это чувство приятно нам».

Внешне чудаковатый господин Буш-младший за время своего президентства, конечно же, наговорил и наделал много чего такого, что ставило на уши весь мир, однако, относительно свободных рынков он попал в десятку.

Это, кстати, подтвердил в своей декларации и состоявшийся вдогонку за саммитом «двадцатки» форум глав стран азиатско-тихоокеанского региона (АТЭС), где принял участие и российский президент.

Правда, меня гложут смутные сомнения, что в условиях

кризиса, вряд ли кто-либо будет выполнять то, под чем поставил свою подпись. Тем более, что это не договор с обязательствами и ответственностью, а что-то вроде протокола о намерениях.

Кризис не способствует росту взаимного доверия.

Каждый спасается так, как считает необходимым, в том числе, и за счёт протекционизма.

Доверься декларации и открой страну всем ветрам, а остальные окажутся жлобами (скорее всего, так и будет) и, закрывшись сами, обдерут тебя простодушного до нитки.

Доверие это фрукт, который зреет только в спокойной, благополучной среде и зреет очень долго.

Надо же.

Только я написал это, а по телевизору сообщают, что Россия подняла пошлины на импорт автомобилей.

– Спасаем свои автозаводы. Пусть даже менее эффективные.

В принципе, с точки зрения свободного рынка, да и экономики вообще это не есть хорошо.

Менее эффективные должны с рынка уходить.

Но, ради сохранения рабочих мест...

Зато страдает потребитель, который за те же деньги будет вынужден покупать менее качественный товар. Ну, или, наоборот, за желаемое качество будет платить больше.

Палка о двух концах.

Многие критики США усматривают причину её силы и экономических успехов в том, что она навязала остальному миру модель, работающую только в свою пользу.

Однако, такая оценка ставит телегу впереди лошади.

Слабые США никогда, никому и ничего не смогли бы навязать.

Вначале, ещё в девятнадцатом веке, они стали сильными, благодаря правильному экономическому поведению (внутренний свободный рынок), и сохраняют эту силу по настоящее время, несмотря на никакие кризисы, тоже благодаря ему.

Для начала они прибрали к рукам всё что лежало поблизости – Американский континент.

Что же касается паразитирования на всей мировой экономике за счёт эмиссии, ставшего во второй половине XX века главной резервной валютой, доллара, а также протекционизма и диктата (тут уже – на внешнем рынке – у них никакой благородной свободой и не пахнет), так это бонус, который они имеют благодаря своей силе, ну и наглости, конечно же, основанной на ней.

Он, естественно, придаёт США ещё большую силу, но не будь у страны внутреннего, свободного для собственных производителей, рынка, от этого бонуса давно бы ничего не осталось.

Одна из главных задач для субъектов мировой экономи-

ки на сегодня заключается в том, чтобы, борясь с кризисом, заодно аккуратно и безболезненно для себя перестроить систему финансово-экономических отношений так, чтобы свести к минимуму влияние этого дискриминирующего фактора, который стоит у них поперёк горла, деформируя ту самую свободу и открытость рынков для прочих, кроме США производителей.

Сами США, естественно, не будут от этого в восторге и жёсткое противодействие с их стороны такому ходу событий гарантируется.

Чья возьмёт покажет время, однако, когда всё жизненно необходимое завязано на ком-то одном это также опасно, как и кораблю не иметь герметические переборки, позволяющие при получении пробоины оставаться на плаву.

Тем не менее, разве теперь не видно, что без государства никуда и в самих США?

Разве не государство, во избежание краха, взяло сейчас под своё крыло двух ипотечных гигантов (60% рынка США) и крупнейшую в мире страховую компанию AIG?

Разве теперь это свободный рынок?

Но, ведь, «невидимая рука», действительно, всё сделала правильно.

Тот, кто не может вести бизнес эффективно, тот должен уйти. И, хотя это плохо для самого уходящего, но, в конечном итоге, благо для общества в целом.

Идёт естественный отбор наиболее эффективных собственников.

Государство же, которое никак не реагирует на ежегодное исчезновение с рынка десятков тысяч мелких и даже крупных компаний, не выдерживающих конкуренции, вынуждено подставлять плечо гигантам вовсе не от того, что считает именно себя самого способным оказаться в бизнесе более эффективным. Такого никогда не было и не будет.

Просто, на этих системообразующих монстрах завязаны интересы десятков миллионов американцев и их крах, даже сам по себе, мог вызвать очень серьёзные последствия, не говоря уже о том, что он мог привести к цепной реакции в среде остальных финансовых институтов – прямая дорога к всеобщей катастрофе.

К тому же, в кризисе виноват вовсе не свободный рынок, а само государство, которое в качестве его регулятора допускало серьёзные проколы.

Иначе «красные флажки», правильно расставленные им, не позволили бы этим финансовым институтам оказаться в зоне опасности.

Ведь, последний толчок всему дала бездумная в течение далеко не одного года раздача ипотечных кредитов, без учёта реальных гарантий возврата и в один прекрасный день обнаружилось, что деньги нараздавали несостоятельным заёмщикам.

Государство, хотя не могло не видеть этого само, да и ана-

литики вокруг, вроде как, только и твердили про то же, помалкивало не меняя правила игры.

Было ощущение, что оно в своё время упустило точку возврата, когда ещё можно было обойтись легкими припарками или таблетками.

Последние несколько лет правительство обречённо, как кролик на удава, реагировало на продолжающуюся ухудшаться ситуацию, боясь, скорее всего, по политическим причинам, принять какие-то резкие непопулярные меры – финансовой системе требовалась уже не терапия, а хирургия.

Ну, в один непрекрасный день среди кредиторов и акционеров этих ипотечных Фредди с Фанни поднялась, наконец-таки, паника, от которой посыпалось и всё остальное.

Теперь власть и расплачивается за собственные ошибки. Расплачивается, естественно, как напрямую из бюджета деньгами налогоплательщиков (других-то у него нет), так и общим ухудшением их финансового положения.

Начни оно действовать значительно раньше, и всё обошлось бы ему значительно дешевле.

Так вот – возвращаясь к идее свободного рынка – если рухнул мост, то нужно обвинять не строительную механику, а проектировщиков или строителей, нарушивших её законы.

Что касается природы российского кризиса, то на данном этапе она вовсе не в падении цен на нефть, как кажется многим. Во всяком случае, это не главное.

Падение аукнется в следующем году.

Пока же текущий бюджет у нас сверстан со среднегодовой ценой на нефть, которая, с учётом цен, которые были в первом полугодии, смотрится ещё вполне комфортно.

Здесь у нас не то, что дефицит, а даже ожидается профицит.

Вы не поверите, но «Лукойл» к концу этого года фиксирует чистую прибыль, которая более чем на 60% превышает ту, что была прошлым году.

Другое дело, что кризис на Западе породил панические настроения и в России.

Из страны побегал спекулятивный капитал – тот, что крутится на бирже, и ужесточились требования зарубежных, а затем и отечественных кредиторов реального сектора.

Это привело к тому, что резко обмелел рынок кредитования.

Перепуганные кредиторы стали требовать от заёмщиков досрочного погашения обязательств – наступил, так называемый, margin call.

В то же время сами производители, планировавшие капитальные вложения или пополнение оборотных средств за счёт заимствований, вдруг обнаружили, что кредитоваться-то не у кого, либо процентная ставка возросла настолько, что кредиты стали недоступными. В

сё это грозило эффектом домино, который привёл бы к коллапсу экономики.

Тут, хоть и с некоторым опозданием, но вступило в игру правительство.

Начавшийся было возникать пожар кризиса ликвидности заливается триллионами бюджетных рублей.

Фактически же никакого недостатка денег у банков не было и без государственных вливаний.

Я как-то, ещё в начале года, комментируя жалобы дагестанских производителей на отсутствие средств для развития, писал, что российские банки пухнут от денег.

Просто, к ним не идут с предложениями по проектам, эффективность которых вызывали бы у банкиров доверие.

Готов подписаться под этими словами и сейчас, даже в условиях, когда российские банки во многом потеряли возможность перекредитования на Западе.

Сейчас, по большому счёту, мы имеем, прежде всего, порождённый кризисом недостаток не денег, а доверия кредиторов к заемщикам и спровоцированный этим запредельный рост кредитных ставок.

Горькое лекарство

I

То, что страна, мир, а вместе с ними и Дагестан переживают экономический кризис, давно известно даже младенцам, как и то, что виновниками всего, конечно же, являются американцы – наше, ставшее уже штатным, мировое зло.

Надо думать, если бы не они со своей ипотекой, то мы продолжали бы пребывать в благоденствии и по настоящее время.

Правда это несколько не стыкуется с рассуждениями, против которых тоже вроде никто и не возражает, что экономические кризисы в условиях рыночной экономики неизбежны.

За каждым подъёмом непременно должен следовать спад, а за ним новый подъём к ещё более сияющим вершинам.

При этом упоминаются и короткие в несколько лет волны от Маркса (того самого – Карла), и длинные, растягивающиеся на десятилетия волны Кондратьева, и периодическая смена технологических укладов, влияние которых можно демонстрировать любопытствующим в ретроспективе, но никто не рискнёт прогнозировать, в отличие от марксовых или кондратьевских циклов, их временные рамки в перспективе.

Однако, в любом случае получается, что американцы то-

гда ни причём.

Свершилось неизбежное, а они, как всегда, и здесь оказались «впереди планеты всей», хотя при этом сыграли только роль камня, вызвавшего, давно и неуклонно зреющую лавину.

Камня довольно увесистого, я сказал бы даже целой скалы, но, тем не менее, лавина зрела.

Имеется ещё и точка зрения, согласно которой получается, что дело не в цикличности развития, а просто всему виной либерализация экономики, которую государства отдали на откуп стихии рынка.

Теперь вот придётся возвращаться к тому, от чего не следовало отходить – жёсткой руке государственного регулирования и даже национализации, являющимися, надо понимать, лекарством от кризисов в будущем – опять реверанс в адрес Маркса, только теперь уже не в части констатации цикличности кризисов, а способа избавления от них вообще.

Однако, и здесь невозможно не видеть некоторую нестыковку.

Если государства, как институты, такие умные и, в отличие от бизнеса, всё знали бы наперёд и делали бы правильно, то почему они с самого начала, видя, наметившееся движение в опасном направлении, не взяли ситуацию под контроль, не перехватили инициативу у неправильно ведущего себя рынка, направив поток в должное русло, не дожидаясь

пока всё начнёт рушиться, а затем принялись суетливо заниматься спасательными работами?

Разве инструктор учебного автомобиля, видя, как курсант собрался сбить приближающийся фонарный столб, не перехватывая управление, ждёт пока произойдёт авария, в том числе и с довольно опасными для его собственной жизни последствиями, а затем начинает заниматься ремонтом?

Но вернёмся к нашей лавине.

От чего, всё-таки, она зрела и дозрела и вообще в чём предпосылки её зарождения.

Не возникают же циклы и волны сами по себе чуть ли не по воле божьей.

Почему в своё время мы гордились тем, что кризисы эти есть, как считал классик, родимое пятно капитализма, от которого социалистической экономике гарантирован иммунитет?

Мировая экономика представляет собой сложнейшую динамично развивающуюся систему, состояние которой определяется бессчётным количеством факторов, формируемых миллионами субъектов экономической деятельности, начиная от государств, транснациональных корпораций и кончая торговой семечками или кустарём-одиночкой.

Хотя в основе экономики, как науки, лежат очень простые и понятные вещи, субъективизм, присущий всем участни-

кам экономической деятельности, ведёт к тому, что они ведут себя в той либо иной степени вопреки требованиям объективных экономических законов, что и является теми самыми факторами, влияющими на систему, деформируя её.

Это и ошибки в оценке ситуации, и склонность к авантюрам или наоборот излишнему консерватизму, а так же иными проявлениями, имеющим отношение, не столько к экономике, сколько к профессионализму и психологии лиц, принимающих решения.

Кстати, за работы по изучению нерационального с точки зрения экономики поведения потребителей, дезориентирующих производителей, американский экономист Ричард Талер получил в своё время Нобелевскую премию.

Но это я так – в качестве лирического отступления.

Особую роль играют государственные институты, влияние которых на экономику зачастую определяется как лоббизмом, так и причинами политического и социального характера, далеко не всегда находящимися в гармонии с логикой экономического развития.

Перечисленные обстоятельства, которые практически невозможно устранить окончательно, в той либо иной степени интенсивности и мощи вносят свой вклад в общее дело деформирования экономики.

При этом, возникающие диспропорции имеют свойство накапливаться, а не исчезать.

В конечном итоге, система не выдерживает.

Подобные аномалии возникают при любом способе производства и, тем не менее, между социалистической и рыночной экономикой существует принципиальная разница.

Сравним, для наглядности, экономику с известной, думаю, всем Пизанской башней, которая из-за проблем с грунтом, на котором покоится её фундамент, постепенно наклонялась и, в конечном счёте, рухнула бы.

Однако, под неё подвели бетонную подушку, остановив тем самым процесс, и теперь вроде башне ничего не угрожает. Наклонное положение, естественно, не изменилось, но собственные конструкция и прочность позволяют ей противостоять вызванных им деструктивным внутренним напряжениям.

Если обратиться к образу этой башни, то социалистическая экономика возводилась на зыбком фундаменте государственной собственности и с первого своего дня уже начала крениться.

Практически она всегда находилась в никогда не прерывавшемся кризисе, самым очевидным проявлением которого был постоянный дефицит жизненно необходимого.

От разрушения её удерживали лишь скрепы диктата, насилия и социальной демагогии.

Сначала экспроприация экспроприаторов, продотряды, потом Гулаг с миллионами бесплатных рабочих рук, великие стройки социализма, построенные на костях зеков, эн-

тузиазм населения, воодушевляемого обещаниями будущего коммунистического рая, вывоз сырья в обмен на зерно, масло, промышленные товары... Однако, всё это невозможно эксплуатировать бесконечно и тогда наступает конец.

Крен «башни» достигает такой величины, после которой скрепы не выдерживают и она просто напросто разрушается. Это в нашей стране и произошло.

Что же касается рыночной экономики, то и в ней присутствует целый набор аномалий, порождаемых хозяйствующими субъектами, правда, аномалий совершенно иного характера.

Они тоже накапливаются, увеличивая наклон «башни», но, тоталитарные скрепы, присущие социалистическому способу хозяйствования у неё отсутствуют.

Вместе с тем, в системе действуют объективные законы, стремящиеся вернуть её в нормальное положение, и чем больше крен, тем их воздействие сильнее.

В конечном итоге, это приводит к тому, что «башня» в какой-то момент, подобно ваньке-встаньке возвращается в своё нормальное вертикальное состояние.

Однако, это приводит к дискомфорту для её субъектов, уже привыкших функционировать в противоестественном наклонном положении.

Не смотря на то, что в мире и принято говорить о кризисе именно экономики, этим фактически ставится всё с ног

на голову.

Вроде как, мы-то молодцы, только вот экономика того..., а иначе давно бы и всем на зависть...

По сути же дела в последнее время, как и во всех предыдущих экономических катаклизмах, наблюдается кризис не экономики, а её отдельных субъектов, которые из-за неправильного поведения в течение достаточно длительного срока вдруг почувствовали себя плохо от того, что экономика отказалась терпеть и далее такое их хозяйствование.

То есть, в кризисе оказались субъекты, ненормальное функционирование которых экономика отторгает, а вот сама экономика сейчас, как раз, находится в процессе активного выздоравливания, ликвидируя дисбалансы, отказываясь от совершенно ненужных и даже вредных излишеств.

Она никогда и ни под кого не подстраивается, и тех, кто надеется на обратное, рано или поздно безжалостно вычеркнет из реестра своих субъектов.

Перефразируя известное высказывание Черчилля о демократии, можно сказать, что рыночная экономика является не особенно хорошим способом хозяйствования, но остальные ещё хуже.

Выздоровление экономики было бы ещё быстрее, если государство не мешало своими попытками сохранить то, что ею отвергается.

Все эти поддержки американского или российского авто-

прома или иных производителей есть те самые припарки, которые чаще всего лечат не болезнь, а температуру.

Радикальная хирургия, потребность в которой очевидна, подменяется щадящей терапией. На худой конец, как в известном анекдоте про попа, жалевшем собаку, вместо того, чтобы отсечь «хвост» сразу, начинают рубить его по частям.

К сожалению, такие процедуры неизбежны по двум причинам.

Во первых, экономика экономикой, а у государства есть социальные обязательства и, как я уже заметил выше, далеко не всегда они совпадают с объективными интересами самой экономики, которыми в какой-то мере приходится жертвовать.

Здесь ему приходится решать очень непростую задачу – сохранение тех «курочек», что несут золотые яйца, и одновременное недопущение снижения качества жизни населения до взрывоопасного уровня.

Решение, как всегда, бывает половинчатое, что присуще любому компромиссу.

Во вторых, власть просто-напросто должна демонстрировать народу свою тревогу и заботу. Иначе он не поймёт.

Вот и приходится идти на шаги, носящие нередко чисто популистский характер и рассчитанные на сиюминутный эффект, хотя в перспективе от них не следует ждать ничего хорошего.

Ну, скажем, на фоне рецессии и инфляции поднимаются

пенсии или заработная плата бюджетникам темпами, превышающими темпы самой инфляции.

И кто кинет камень в благодетеля?

Зато месяц другой спустя начинаются проклятия обывателя в адрес производителей и «торгашей», у которых цены, оказываются, начали расти ещё более ускоренными в сравнении с прежними темпами.

То есть, спираль инфляции ещё более раскрутилась.

Что же касается настойчивых обещаний государства не уменьшать и даже увеличивать свои социальные обязательства, то они вызывают серьёзные сомнения, поскольку резервы, необходимые для этого, могут быть исчерпаны, как обещает Кудрин, уже в следующем году, а чуда с возвратом именно к тому времени прежних цен на энергоносители может и не произойти.

Эффект же от реструктуризаций, инноваций и прочих правильных вещей, позволяющий компенсировать падение цен на энергоносители, даже если всё делать идеально, может появиться в перспективе более отдаленной, чем год или два.

К сожалению, в экономике не существует сладких лекарств, а идти на непопулярные меры всегда сложнее, чем дать народу подслащённую пустышку, хотя очевидно, что лечение запущенной болезни впоследствии обойдётся куда дороже.

В предыдущей публикации я попытался показать, что кризисы являются неотъемлемым свойством любой экономики, а не только рыночной.

Просто, рыночной присуща их определённая цикличность, а социалистическая пребывает в никогда не прекращающемся кризисе с первого же дня своего рождения.

После этого меня в частном разговоре, прибегнув к традиционным, как всегда, аргументам – индустриализация, полёты в космос, вражеское окружение, не дававшее строить счастливое будущее и, конечно же, духовность, обвинили, что навожу напраслину на светлый облик социализма.

Если бы это было мнение редких оригиналов, то на нём можно было бы и не останавливаться, но, к сожалению, такой позиции всё ещё продолжает придерживаться достаточно заметная часть российского и особенно дагестанского общества.

Вообще-то я полагаю, что государство существует не для индустриализации или полётов в космос.

Оно содержится гражданами на свои налоги совсем для других целей.

Его предназначение – обеспечить им возможность выстраивания собственным трудом достойной жизни, а не занятия ракетостроением на фоне вечных очередей и коммуналок.

Космос или индустриализация могут быть средством достижения этого, но никак не целью.

В части же вражеского окружения, всем известно, что мешает плохому танцору.

Мы тоже не давали «врагам» строить что-то счастливое, но они же строили и получше нашего.

Значит, наша теория и практика строительства оказалась хуже, чем у них и нечего за неё цепляться.

Экономика это инструмент удовлетворения жизненных потребностей человека.

Если один ковыряется в носу, а другой рвёт жилы, прилавки же пусты и условия жизни для одного и другого одинаково ни к чёрту, значит, экономика со своей задачей не справляется, значит, она в кризисе.

А ещё хуже, если некоторые, ковыряющиеся в носу, имеют доступ к государственной кормушке, а рвущие жилы, лишь к пустым прилавкам.

Семь десятилетий – срок вполне достаточный, чтобы социалистическая экономика доказала своё преимущество перед рыночной.

К сожалению, не доказала, а лишь сделала народы СССР, а заодно и пристёгнутых к нему впоследствии сателлитов, жертвой гигантского эксперимента, в то время, как Западная Европа, Северная Америка, Австралия с Новой Зеландией, да и кое-кто в Азии очень даже уютно обустраивались.

Последствия такого эксперимента мы в своих попытках

перейти на рельсы нормального цивилизованного развития никак не можем устранить и по настоящее время.

Что же касается духовности, то, как сказал поэт Александр Межиров, ею обычно затыкают щели в неотопливаемых квартирах.

В той же публикации я заметил, что при экономическом кризисе государству приходится решать две взаимоисключающие задачи – не мешать экономике заниматься самолечением, избавляясь от всего, что деформирует её и обеспечивать при этом некий приемлемый уровень социальной защиты населения.

Все эти сдувания «пузырей», разрушение «пирамид», частичное или полное закрытие недостаточно эффективных предприятий реального сектора, означает, что вне поля экономической деятельности оказываются не просто офисы и производственные корпуса, но люди, работающие в них, а значит, их благосостояние.

Не секрет, что из числа крупнейших экономик мира (G20), российская сейчас в числе, испытывающих наибольший спад и причина этого на поверхности – чрезвычайная зависимость от экспорта сырья – прежде всего, энергоносителей, цены на которые упали в 3—4 раза, а так же откровенная неконкурентоспособность обрабатывающей промышленности и сферы услуг.

В этой ситуации не может не возникать вопрос о том, на-

сколько правильно ведут себя федеральная и региональные власти?

Вообще-то, с чисто экономической точки зрения, правильное всего не мешать, извините за тавтологию, экономике выздоравливать, а не пытаться финансовыми вливаниями продлить агонию некоторых её обречённых субъектов.

Я полагаю, что Чарльз Дарвин в своё время открыл закон, имеющий отношение не только к растительному и животному миру.

Экономическое развитие, без которого, как известно, нельзя обеспечить и развитие социальное, возможно только при естественном отборе в условиях борьбы рыночных структур за выживание, при которой отмирает всё неэффективное, слабое.

Как волк – санитар леса, так и конкуренция есть санитар экономики.

Снижение накала «внутривидовой» и «межвидовой» борьбы, не соблюдение принципов честной конкуренции всегда приводит к регрессу и загниванию.

Тем не менее, раз уж кризис имеет место быть, то государство вынуждено действовать не всегда столь решительно и безжалостно, как того требует экономика, которая, всё таки, существует ради людей, а не наоборот.

Сложность в одном – правильно определиться со степенью такой решительности.

Первым очевидным для многих россиян признаком надвигающегося кризиса явилось резкое падение ликвидности в банковской сфере.

Тотчас, напуганные слухами и наученные предыдущим горьким опытом, граждане ринулись в банки, изымать свои вклады.

В такой ситуации правительство сработало, как мне представляется, в меру оперативно и эффективно.

Это и решительные заявления президента и главы правительства, адресованные, прежде всего, населению, что их вкладам ничего не угрожает, и кредитование государством, крупнейших банков, и пересмотр некоторых нормативов, регулирующих банковскую деятельность...

Не обошлось и без шероховатостей, в том числе, и достаточно серьёзных, но, в целом вектор выдержали правильный.

Паника была погашена, изъятые из банков вклады начали возвращаться, а к концу декабря прошлого года их величина даже стала превышать ту, что была ещё до изъятия.

Положительная динамика сохраняется и по настоящее время.

Вообще-то для меня эта доверчивость, неоднократно обманутого ранее и терявшего практически всё, российского народа удивительна.

Думаю, здесь свою психологическую роль сыграли и факт наличия у государства крупных валютных резервов, и высо-

кий рейтинг Медведева с Путиным.

Он может кому нравиться, а кому и нет, но будь у населения степень доверия к ним ниже, я не говорю уже про 2% Ельцина, клявшегося с экрана телевизора – если что, то ляжет на рельсы, всё могло сложиться иначе.

В конечном же итоге, вроде как, получилось совсем не по Дарвину – сильные спасутся сами, а слабым туда и дорога. Однако, в этом конкретном случае без вмешательства государства величина социальных издержек могла оказаться совершенно неприемлемой.

Сейчас в среде некоторых, политиков и экономистов в ходу обвинение, что правительство сделало многомиллиардные вливания жирным банковским котам, в то время как следовало помогать реальному сектору, работникам, пенсионерам...

Деньги якобы были использованы только для спекулятивных операций на валютной бирже и, вообще, осели на личных счетах избранных за рубежом.

Все это либо вполне сознательный популизм, либо неосознанная демонстрация некомпетентности.

Во первых, государство даже при тех, прямо скажем, критических, обстоятельствах занималось вовсе не благотворительной раздачей денег, а кредитованием банков под проценты, причём, на достаточно короткие сроки для того, чтобы дать передышку крупнейшим из них и, прежде всего, с го-

сударственным участием, неожиданно оказавшихся в осаде перепуганных не только российских, но и западных кредиторов (у них-то кризис был уже в разгаре), требовавших досрочного погашения обязательств – произошёл, так называемый, margin call.

От краха банка волны в экономике, тем более, находящейся в кризисе, поднимаются значительно круче и расходятся дальше, чем в случае с производственной структурой.

Кредиты банками действительно конвертировались в иностранную валюту, но иного и не могло быть, ибо долги на запад полагалось возвращать вовсе не в рублях, которые кредиторам были совершенно неинтересны.

Ну, и потом, займы, спустя оговоренное условиями кредитования время, банками, сумевшими восстановить ликвидность, были государству возвращены.

Так что и его кошелёк не пострадал, и намечавшаяся было волна банковского кризиса спала, хотя напряжённость сохраняется и по настоящее время.

Существует и такая точка зрения, что не помоги государство, так ничего страшного и не произошло бы.

Ну, объявили бы дефолт (банки, а не государство), возможно, некоторые из них перешли бы под контроль самих кредиторов, в том числе и зарубежных.

И что? Разве они после этого не остались бы в России и не продолжали бы работу?

Всё это, конечно же, верно, но только с одной стороны.

Банки это столь тонкая материя, завязанная на множестве производителей, что потрясения их основ, способные привести даже к незначительному сбою в движении финансовых потоков, могли иметь серьёзные последствия для начавшей уже лёгкое скольжение по наклонной плоскости экономики страны, сорвав её в штопор.

Риски были слишком велики и, думаю, что перестраховка в этом деле была не лишней.

– Допускалось ли при этих финансовых вливаниях какие-то нарушения или даже злоупотребления?

– Не исключаю.

Но массовый характер они, убеждён, не носили. В противном случае мы наблюдали бы действительно штопор.

А вот, что касается предприятий, так называемого, реального сектора, кредитовавшихся зарубежными банками напрямую, мимо российской банковской системы, то здесь продемонстрированная правительством и в отношении их решимость посодействовать своими кредитами с возвратом долгов, вряд ли можно признать удачной.

Особенно, когда стало выясняться, что в продолжавших открываться реалиях резервы не столь бездонны, как казалось ранее, и денег может катастрофически не хватить для куда более важных вещей.

Это хорошо, что попозже, вероятно, поняв, что погорячилось, правительство сдало назад, признав, что ничего страш-

ного не произойдёт и без его помощи. То есть, пусть выкручиваются с кредиторами сами.

Государство при заключении производственными предприятиями кредитных договоров никакого участия не принимало и на себя никаких обязательств не брало.

Это было частное дело договаривающихся сторон со всеми присущими ему рисками, которые берутся ими на себя, а не планируется перекладывать на чьи-то, не ожидающие этого, плечи.

III

Скептически относясь к желанию государства поучаствовать в прямом финансировании рыночных структур вообще, я, тем не менее, убеждён, что при тушении разгоревшегося было пожара в банковском секторе в начальной стадии кризиса федеральное правительство поступило вполне разумно, иначе мы сейчас вполне могли бы пребывать лишь на развалинах своей экономики.

Кредитование банков было связано не столько с какими-то фундаментальными внутренними для них причинами, свидетельствующими о неустойчивости системы (Центробанк последние годы достаточно бдительно стоял на страже), сколько с потребностью погасить панику, возникшую у корпоративных кредиторов и населения в условиях форс-мажора.

То есть, главным образом это была лишь плата за страх. Что же касается последующих действий правительства вплоть до настоящего времени, то здесь сложно давать однозначные оценки. Для этого нужна довольно объёмная аналитическая работа.

Тем не менее, информация, доступная мне, как и всем желающим, даёт возможность для некоторых выводов.

Рубль полегчал раза в полтора.

Для того, чтобы процесс был постепенный, Центробанк израсходовал для интервенций на ММВБ десятки миллиардов долларов.

Власть предрежающие, вроде как, гордятся тем, как это было сделано хорошо, плавно, не возбуждая панических настроений (речь идёт уже не об изъятии банковских вкладов, про что говорилось ранее, а бегстве народа от рубля к доллару или евро – это несколько иное).

Так вот, именно здесь я не уверен, что рубить «хвост» по частям, да ещё за такие деньги, лучше, чем сразу весь и бесплатно.

Не уверен, что «ужасный конец» хуже «бесконечного ужаса».

Не уверен, что этим долларам нельзя было найти лучшее применение, в том числе, и способное пригасить возможную панику и предотвратить дальнейший обвал рубля.

Одно спокойное умно прокомментированное заявление

о проведении разовой девальвации, думаю, было предпочтительнее целого ряда растянутых во времени заявлений о том, что девальвации дескать нет, а имеет место некое колебание курса.

На фоне очевидного для всех факта её проведения в несколько этапов с попутной потерей валютных миллиардов, потраченных для интервенций на бирже, такие заявления ничего кроме сарказма у населения не вызывали и для власти это не есть хорошо.

А на днях президент Медведев заявил, что поддержка фондового рынка была ошибкой.

Правда, примерно в те же дни Путин в другой аудитории сказал, что всё делалось правильно.

Политтехнологи тотчас возбудились и занялись гаданием, чтобы это значило в плане взаимоотношений двух политиков.

Ну, а я, с чисто экономической точки зрения, считаю, что вначале – с банками – всё было сделано правильно, а остальное – попозже может в чём-то и правильно, а может и не очень.

Продемонстрированное публично разногласия это лишнее свидетельство того, насколько сложно принимать и интерпретировать такие решения.

Например, правительство делает широкий жест, заявляя о выделении АвтоВАЗу десятков миллиардов рублей для

очередной поддержки его падающих штанов.

Здесь разговор уже не о кратковременной помощи в погашении кредиторской задолженности, про которую говорилось в предыдущей публикации, а о долгосрочном субсидировании в надежде на реструктуризацию производства, поднятие конкурентоспособности и пр.

Опыт прежних не особо успешных попыток подобной поддержки порождает серьёзный скептицизм относительно возможной удачности последней.

Никак не отрубим «хвост» и опять «ужас без конца». Однако, вполне резонен вопрос о том, как тогда быть с населением Тольятти, значительная часть которого привязана к автозаводу?

Как быть с не меньшим количеством семей предприятий смежников по стране? Кстати, это затрагивает и дагестанский «Авиаагрегат». Согласитесь, что всё очень непросто и даже опасно.

Тем не менее, лично я придерживаюсь точки зрения, что завод без господдержки загнётся окончательно не является неоспоримым фактом.

Может, именно осознание, что халява кончилась и, причём, навсегда, заставит корпоративных топ-менеджеров под угрозой краха работать как положено и найти выход иной, чем через государственный кошелёк.

Безвыходных положений, как известно, не бывает.

Тем более что 25% акций ВАЗа принадлежит француз-

ской автомобилестроительной корпорации Renault. Значит, и она со своим опытом не будут лишней.

Государственные же десятки миллиардов, можно было бы использовать иначе, в том числе и для мероприятий, которые нивелировали бы и отрицательные последствия возможного банкротства для работников ВАЗа и его смежников.

Примерно то же самое можно сказать и в отношении политики господдержки других крупных производителей (Русал, ГАЗ, Норникель и пр.).

Предполагаемые вливания связаны с достаточно серьёзными рисками того, что радикального улучшения не произойдёт.

Кредиты могут быть вновь бездарно потрачены на то, чтобы поставив на конвейер очередного урода типа «Приоры», а государство вместо возврата денег и одновременно рождения конкурентоспособных производителей, с возросшим налоговым потенциалом, не только лишится денег, но и получит себе в нагрузку принятые в залог производства, с которыми не будет знать, как поступить – то ли продать за бесценок, то ли тратить ещё десятки миллиардов на их санацию, для чего оно является далеко не самым лучшим оператором.

То есть, не вылеченная, а законсервированная сегодня болезнь, завтра даст куда более серьёзные осложнения, да ещё и «болеутоляющих» наркотиков в виде валютных резервов уже не будет.

В то же время сама жизнь показывает, что отказ в помощи производственникам никакой особой катастрофы с собой не приносит.

Как известно, больше всего в ходе кризиса пострадал строительный сектор.

И что?

Например, часть громадного строительного бизнеса казавшегося баловнем судьбы, Дерипаски, которого покинула удача, скупил за символическую цену Сулейман Керимов, а на другую часть теперь нацелился Абрамович.

И приобретения эти, надо думать, делаются не для того, чтобы просто любоваться ими.

Бизнес очистят от долгов, реструктуризируют и – Вперёд! Всё вновь заработает.

И капитализация увеличится, и рабочие места появятся, и никакой господдержки.

Вечных кризисов не бывает, да и в более благоприятные времена в бизнесе всегда кто-то банкротится, а кто-то преуспевает.

Процедуры с масштабными государственными вливаниями невольно начинаешь соотносить с тем, что происходило у нас до кризиса.

Тогда Кудрин, по мнению многих, ходил в главных злодеях, поскольку, сидел на постоянно растущей горе нефтедолларов, заняв круговую оборону от покушавшихся, кото-

рые видели в нём, извините, собаку на сене, каковой, кстати, и должен быть министр финансов любого государства – денег нет и всё.

С началом же кризиса он в одночасье превратился в главного благодетеля, который, оказывается, столь прозорливо сохранил кубышку на чёрный день. И вот теперь государство может щедрою рукою черпать из неё.

Думаю, что истина, как обычно, располагается посередине.

Естественно, на чёрный день всегда надо что-то откладывать. Но, лично я предпочёл бы, откладывать в «чулок» много меньше. Остальное же все последние годы нужно было конвертировать в инновационное развитие экономики, в её диверсификацию. В каких-то секторах, где кроме государства делать это и некому, речь шла бы о прямых инвестициях и государственной монополии, но главным образом деньги следовало бы использовать для привлечения частного капитала.

И здесь существует немало инструментов.

Это и субсидирование кредитных ставок, и страхование за свой счёт рисков, что, в первую очередь, было бы привлекательно для зарубежных инвесторов и финансирование проектов, где государство выступало бы соинвестором в качестве миноритария, уступив контрольный пакет частному инвестору. Да ещё много чего можно было бы придумать.

Всего этого, к сожалению, делалось прискорбно мало.

Те, кто сейчас поёт здравицу Кудрину, возражают, что, в таком случае мы имели бы не «живые» деньги резерва, как сейчас, а омертвлённый капитал в виде вставших заводов, в которые эти деньги были вложены и вообще, разве китайцы, тоже откладывая куда больше нашего не глупее нас.

Да и вливания в экономику ещё больше бы раскрутили бы инфляцию.

К сожалению, такую аргументацию невозможно воспринимать всерьёз.

Экономика, конечно же, функционирует под воздействием множества факторов, влияние которых необходимо учитывать, но, тем не менее, среди них для каждого конкретного случая всегда имеется несколько главных, которые и формируют вектор. Китайцы, вкладывавшие доллары обратно в их – доллара родину, конечно же, не дураки.

Прежде всего, своими вложениями они, не только формировали собственные резервы, но и стимулировали покупательную способность американцев поскольку Китай давно стал главным поставщиком товаров на их рынок.

А мы что туда поставляем и что такое полезное для себя должны у них стимулировать?

К тому же, у китайцев не стоит так остро проблема инвестиций, как в России.

Они, в отличие от нас, гоняющихся за каждым инвестором, смогли создать столь благоприятный инвестиционный

климат, что зарубежные инвесторы к ним уже много лет чуть ли не в очередь выстраиваются. Что же касается инфляции, то она всегда разгоняется за счёт того, что спрос, определяемый денежной массой, растёт быстрее производства – это классика.

Но я же не сказал, что резервы должны были расходоваться на рост заработной платы или пенсии, то есть потребления.

Речь шла об инвестициях, то есть, обеспечении, прежде всего, роста производства.

Ну, а если потом он естественным образом привел бы и к росту заработной платы, и большей наполняемости Пенсионного фонда, так это же прекрасно.

Это был бы уже рост, который не нивелируется инфляцией.

Сейчас же, как раз, мы и раскручиваем инфляцию, повышая зарплату бюджетникам и пенсии, поскольку происходит это на фоне даже падения, а вовсе не роста ВВП.

Государство, вроде как, демонстрирует свою заботу – психологически это плюс, но реальный эффект для населения, в лучшем случае, будет нулевым.

Кое у кого может возникнуть вопрос: – Где Дагестан, а где Китай, ВАЗ или Дерипаска с Абрамовичем?

У них свои проблемы, у нас свои.

Смею уверить, что они во многом одни и те же.

И бездарное проедание производственниками кредитов

в прошлом, и ожидание подобной же помощи от государства в настоящем, и превышение темпов роста потребления над темпами роста производства, и многое другое.

Что же касается дагестанских дел непосредственно, то я к ним ещё вернусь.

IV

Сейчас о кризисе говорит даже ленивый.

А насколько он всё-таки серьёзен?

В экономике немало индикаторов, которые сигнализируют о назревающих проблемах.

Когда же кризис уже на дворе, одним из главных «термометров», свидетельствующих о его текущем состоянии, служит уровень безработицы.

Так вот, недавно, наряду с регулярными, чуть ли не на каждом на каждом углу, сообщениями о росте этого показателя проскочила информация, что только в первом квартале и только в Подмоскovie органы Федеральной иммиграционной службы зарегистрировали около трёхсот тысяч (!) гастарбайтеров.

Надо полагать, они приехали из-за рубежа не за голодной смертью, а зарабатывать, и российское государство, раз регистрирует, наверное, видит необходимость в их труде.

Ах, это не та работа, что годится для наших благородий?

Ну, тогда вот ещё случай – как-то в самый разгар воплей

о кризисе прошла и другая информация – только в Москве имеется несколько тысяч вакансий и только на должность – вы не поверите – финансового директора.

Буквально вчера наткнулся в интернете на рекламу одного кадрового агентства, сообщаящего о наличии банка из 1500 вакансий на должность руководителей организаций. И это лишь у этого агентства и в основном тоже по Москве.

Вообще-то эти показатели было бы лучше рассматривать в динамике – а вдруг тенденция, всё-таки, и здесь отрицательная.

Но вот кое-что и в динамике – вклады населения в банках с начала текущего года в стране возросли больше, чем за соответствующий период прошлого года, когда всё, вроде как, ещё смотрелось благополучно и цены на нефть били рекорды.

А как же тогда кризис?

Пока ещё у нас во многом наблюдается кризис не экономики, а снобов, желающих жить не хуже прежнего, но не желающих сделать для этого в новых реалиях хоть что-то самим.

Уровень безработицы растёт, вместе с тем, как известно, волка ноги кормят, но инфантилизм нашего общества всё ещё продолжает зашкаливать.

Всё недовольство граждан канализируется только в адрес власти, но никогда не в свой.

Власти, конечно же, всегда найдётся за что врезать, но в данном конкретном случае, наверное, следовало бы распределить претензии хотя бы пополам.

Настоящий кризис это, когда по объявлению об открытии вакансии дворника, вывешенного вечером, к утру выстраивается очередь желающих занять её. Когда люди вынуждены идти на общественные работы ради хотя бы горячей похлёбки. И не дай бог нам это увидеть.

Пока же экономика России, главным образом, пытается избавиться, и не слишком, нужно сказать, успешно, от лишнего жира и гламура, которые никак не способствуют её здоровому развитию.

В марте одно из ведущих кадровых агентств – холдинг «Анкор» провело по стране, а не только Москве исследование 271 компаний – выборка достаточно репрезентативная – которое показало, что 23% компаний планируют в этом году сократить численность персонала, 22% – увеличить, и 55% оставить без изменений.

Если посчитать, что сокращения тоже могут быть вызваны не только проблемами, имеющими отношение к кризису, но и просто оптимизацией управления, то картина как-то не особо вяжется с теми страхами, которые нагнетаются желающими продемонстрировать публично свою боль за простой народ.

В этой же связи, думаю, и реальные показатели роста без-

работицы для наших российских условий не особо следует рассматривать в качестве индикатора состояния экономики, поскольку общая атмосфера кризиса заставляет бизнес извлекаться во многом от вальяжной расслабленности.

То есть, предприниматели начинают строже относиться к своему бизнесу, ликвидировать очевидные излишества, в том числе, и со штатами.

Вдруг обнаруживается, что ту же работу без потери качества можно делать и с меньшим количеством людей, и вовсе не за счёт потогонной системы. Просто, допускалось слишком много безделья и неорганизованности.

При этом сами увольняемые либо никак не научатся заниматься продуктивным поиском работы либо наивно продолжают искать вчерашний день – только ту работу по интенсивности труда и с той оплатой за него, к которым привыкли.

То есть, у нынешней безработицы имеется довольно большая гламурная составляющая.

Сожалею, но прежней весёлой жизни уже не будет. Малина кончилась.

Во всяком случае, до тех пор пока баррель нефти опять не будет стоить 140 долларов.

Всё сказанное имеет отношение не только к Москве.

В Дагестане картина, начиная с тех же самых гастарбайтеров, тоже не сильно отличается.

Прежде всего, требуются квалифицированные кадры,

а если и не квалифицированные, то хотя бы готовые трудиться с полной отдачей целый день.

Кто же привык бездельничать за 3—4 тысячи рублей в месяц и, оказавшись на улице, не хочет идти туда, где предлагают втрое – четверо больше, но надо вкалывать по полной программе, то это его личные проблемы и не надо непонятных претензий.

Говорят, что люди успели привыкнуть к кризису.

Ну, если для кого-то привычка комфортнее, чем поиск работы или даже работа, которая сама напрашивается, то какие вопросы? Поздравляю, ребята. Кроме того, подозреваю, что многие из тех, кто кричит громче всех о своих проблемах, имеет их меньше тех, кто действительно нуждается в помощи.

Крикуны они всегда успевают урвать своё.

Чуть что не так, сразу претензия к государству – не помогает.

Ладно, если от пенсионера, инвалида или многодетной матери.

При этом никто никогда не спрашивает: – А почему тебе – здоровому мужику или, извините, бабе должно оно помогать? Выкарабкивайся сам.

Это ты своими налогами должен помогать государству заниматься теми, кто действительно не способен сам себя обеспечить.

В республике задействована программа помощи безра-

ботным по переселению в регионы, где возникает потребность в трудовых ресурсах.

Выезжающих готовы обеспечить платой за проезд, суточными и выплачивать содержание по 16—17 тысяч рублей в течении трёх месяцев (!).

То есть, ты ещё ничего не делая будешь получать вдвое больше чем средняя по Дагестану заработная плата.

Я вполне понимаю, что переезд это очень не просто. Особенно для взрослых, семейных.

Но если действительно всё так плохо, отчего хотя бы небольшая часть молодёжи не воспользуется возможностями такой программы, которая из-за этого сейчас даже не работает толком? Или всё-таки, у нас не так уж и плохо?

Кстати, а как вам телевизионный сюжет о толпах «обездоленных» дагестанцев, штурмовавших двери супермаркета от «М-Видео» в стремлении приобрести со скидкой такие предметы очень первой необходимости, как телевизоры или компьютеры?

Думаю, среди них было немало получающих пособия по инвалидности и субсидии как малообеспеченные?

Кризис, безусловно, заставляет людей запастись на последние деньги какой-нибудь соковыжималкой. А как же без неё выжить? Это раньше на чёрный день запасались мукой и солью.

Не обвинить при удобном случае в смертных грехах чи-

новников это для журналиста уже признак дурного тона. Народ же у нас всегда белый и пушистый.

Слава богу, в последние годы наконец-то перестали говорить, что он к тому же ещё и гордый, и мудрый, от чего лично у меня всегда начиналась изжога.

Интересно, а бывают, например, глупые народы?

В телеящике показывают какого-нибудь мужика, а за кадром комментарий сердобольного корреспондента, что вот де чиновничий произвол препятствует ему заняться бизнесом.

Я уже по содержанию того, что говорит этот человек, и комментарию вижу – он, прямо таки, убеждён, что стоило ему объявить миру о своём желании заняться бизнесом, как к порогу его дома сразу должны были примчаться налоговый, чтобы вручить свидетельство о регистрации, банкир – чтобы выдать кредит без залога и пр.

А то, что его по несколько раз заворачивают в этих инстанциях обратно, так это, оказывается, есть произвол, но никак не собственная неспособность или нежелание оформить всё, как положено.

(Мне не раз приходилось заниматься подобными делами и не припомню, случая, чтобы возникали какие-то особые проблемы.)

Читай законы и заполняй бланки.

– Не можешь читать и заполнять сам?

– Найми грамотного юриста.

– Не можешь ни то, ни другое?

– А чего лезешь в бизнес, где, вдобавок ко всему, нужно ещё вести бухгалтерию, знать и соблюдать массу нормативов, составлять отчёты?

Иди в грузчики или ночные сторожа.

Там ничего такого ни знать, ни писать не требуется.

Хотел бы быть правильно понятым.

Никто не отрицает наличие кризисных явлений и вызванных им проблем. Есть добросовестные работники, для которых так сложилось, что и 3—4 тысячи в месяц это единственный источник их скудного существования и ни на что другое они не способны и потеря работы для них трагедия.

Есть зарабатывавшие по 15—20 тысяч и попавшие под сокращение или неполный рабочий день и это тоже трагедия.

Однако, перефразируя другое уже высказывание всё того же любимого мною Черчилля один безработный человек это трагедия, а тысяча безработных это статистика.

Сейчас речь идёт о статистике и она не столь ужасна, как пытаются её представить.

Оппозиция, ясное дело, что бы ущучить посильнее власть, журналисты – потому что читатель любит пожаренное, экономисты – тоже люди и им тоже нравится быть в центре внимания.

Если кто жил в нищете и до кризиса и вовсе не от хронического ничегонеделания, а по каким-то извиняющим об-

стоятельствам, то ему, естественно, нужна помощь в первую очередь – у него и ранее не было никакого запаса прочности.

Но не следует показывать так, как будто до кризиса у него всё было не так уж и плохо.

Не следует с надрывом рассказывать о семье, у которой снизились доходы и теперь она, видите ли, не в состоянии обслуживать кредит, полученный на покупку нового автомобиля. Воистину – Шекспир.

– Не нравится ухудшение качества жизни?

– Так подсушитесь, поищи ещё где-то дополнительный приработок. Подумай о более серьёзном отношении к собственным профессиональным обязанностям.

Кризис не отменяет карьеру, скорее наоборот – он увеличивает спрос на более квалифицированные, добросовестные кадры, там, где ранее работодатель мог позволить себе держать кого-то послабее.

Старые песни о главном

I

На исходе прошлого месяца, буквально в один и тот же день произошло два интересных события.

Президент РФ Дмитрий Медведев провёл заседание Совета по реализации приоритетных национальных проектов, а президент РД Магомедсалам Магомедов – расширенное заседание Правительства, где обсуждались итоги социально-экономического развития республики за первое полугодие текущего года.

События были интересны прежде всего не своей синхронностью или тем, что их проводили первые лица. Совпадение во времени, скорее всего, чистая случайность, а сами совещания в перспективе потерялись бы в общем ряду бюрократической рутины.

Роднило же их то, что оба руководителя дали непривычно жёсткие оценки работе не каких-то там непонятно кого (кое-где, кое-кто ещё порой...), к чему мы давно привыкли, а конкретных чиновников, принимавших непосредственное участие в этих совещаниях, Магомедов же вдобавок и Правительству в целом. Прямо и публично, а не в кулуарах или на закрытых совещаниях-заседаниях.

Медведев: — «Честно говоря, отчеты эти надоели смертельно. Надо о проблемах говорить... Одно и то же все говорят... если хотите о планах говорить — выйдите на телевизор, скажите, что хорошего хотите сделать...

А что нового-то сделано?!... Мы здесь встречаемся для того, чтобы обсуждать конкретные вопросы, а не для того, чтобы вы еще раз рассказывали мне об итогах нацпроектов...»

Магомедов: — «Я услышал объяснения того, что происходит...

Однако необходимо слышать не только объяснения, но и видеть реальные шаги, которые мы должны предпринять, что намерены делать Правительство РД, отраслевые министерства.

Продолжать заниматься бумаготворчеством, как было раньше, нельзя... Я хочу услышать в этом плане больше идей, конкретных предложений по улучшению работы...».

Прямо, как будто сговорились оба товарища.

Я не знаю, что рассказывали Медведеву федеральные чиновники и поэтому его оценку их деятельности просто принимаю на веру.

А вот взгляды одного из дагестанских чиновников, про которые узнал из сообщения в телевизоре о совещании, удивили настолько, что реакция на них Магомедова с моей точки зрения могла быть и поострее.

Ну ладно – Медведев высоко, Кремль далеко, а в чём конкретно причина недовольства дагестанского президента?

Говоря казённым языком официального сообщения, она заключается в заметном снижении темпов социально-экономического развития республики и отставании от прогнозируемых параметров на анализируемый период. А «снижение основных макроэкономических показателей оказывает отрицательное влияние на формирование доходной части республиканского бюджета».

– Бюджет это серьёзно. Это очень серьёзно.

На нём держатся здравоохранение, просвещение, культура, ЖКХ, сельское хозяйство

Как известно, сейчас три четверти его формируется за счёт вливаний из Москвы.

Не говоря уже о том, что такое иждивенчество не есть хорошо хотя бы по чисто моральным соображениям (или мы какие-то убогие?), кризис показал, что федеральный кошелек не бездонный и на прежнюю щедрость рассчитывать не приходится.

Ну, это как если бы семья зарабатывала сама десять тысяч, а тратила регулярно сорок, потому что добрый дядя помогал. Теперь у дяди самой проблемы с денгами и с особой остротой встаёт вопрос, как быть, чтобы, если не обеспечить рост, то хотя бы сохранить прежний уровень жизни.

Иначе, в перспективе маячит нищета, массовое недоволь-

ство населения, которое вполне может вылиться и в нечто куда более серьёзное.

Ответ вроде бы очевиден – чтобы меньше зависеть от состоятельности дяди, надо больше зарабатывать самим.

Для республики это означает необходимость эффективнее использовать существующее и создание нового.

Сказать легко, но как, например, полнее использовать существующие мощности, если выпускаемая дагестанской промышленностью продукция неконкурентоспособна на глобальном рынке?

Вот какие-нибудь Siemens, Intel, Sony или Microsoft конкурентоспособны и поэтому даже в условиях кризиса у них неизмеримо больше возможностей для манёвра.

Что-то не сложилось в одном регионе, зато появились новые возможности в другом. Главное вовремя почувствовать ветер перемен.

У дагестанских же производителей весь рынок, как правило, начинается и заканчивается в России.

Мало того, и в самой России они оказываются привязанными к узкому кругу потребителей, а остальным их продукция, в стране, и, тем более, за её пределами, неинтересна.

Случись что у этих самых потребителей и всё – катастрофа. Не знаем куда бежать.

Выход здесь очевиден – необходимы диверсификация производства и его модернизация, позволяющая выпус-

кату конкурентоспособную продукцию способную обеспечить выход на новые рынки. Но для этого нужны серьёзные инвестиции, первоклассный менеджмент и время, измеряемое не днями или даже месяцами, а годами.

Ни одним из перечисленных ресурсов на этих предприятиях мы сейчас, к сожалению, не располагаем.

Временем, думаю, ясно почему, а почему не располагаем первыми двумя – тема отдельного разговора.

Впрочем, я об этом уже писал неоднократно и в любом случае очевидно – одними прямолинейными накачками типа “ давай, давай» оперативно исправить положение невозможно.

Что касается создания новых мощностей, то и здесь ситуация аналогичная. Необходимы инвестиции и время для их освоения. При этом, обратите внимание, что для получения в республиканский бюджет за счёт создания новых мощностей дополнительно лишь одного миллиарда рублей (это где-то скромные 2,0% бюджета) необходимо привлечь инвестиций – в зависимости от отрасли – от 10 до 30 миллиардов (!). То есть, чтобы республике получить рубль в бюджет, инвестору необходимо вложить, как минимум, десять. При этом на их освоение требуется в среднем 3—5 лет, после чего только можно говорить об отдаче.

У вас не завалился где-нибудь случайно десяток – другой миллиардов?

А может другие инвесторы со своими миллиардами выстроились в нетерпеливую очередь?

Всё сказанное, естественно не означает, что диверсификацией и модернизацией существующих или созданием новых мощностей не нужно заниматься.

Нужно и даже необходимо категорически.

Просто, дело в том, что и в случае оглушительного успеха, а гарантию этого не даст никто, поскольку бизнес всегда связан с риском, такие инвестиции способны приносить плоды лишь спустя годы.

Вместе с тем, ситуация требует результатов здесь и сейчас. Ну и как быть?

То, что до 90% дагестанской экономики находится в так называемой тени, ни для кого не секрет.

Об этом, кстати, вполне официально заявлял прежний президент республики Муху Алиев.

Раз так, то путём элементарных расчётов можно прийти к очевидному выводу – если 10—15% «белой» экономики в состоянии обеспечить наполняемость четверти бюджета, то для того, чтобы из дотационной превратиться в республику – донора, достаточно вытащить из тени на свет ещё лишь 40—60% экономики.

Никаких инвестиций, а доходы возрастают в три -четыре (!) раза. Сравните эти «бесплатные» плюс 300% и упомяну-

тые мною ранее 2,0%, для которых необходимы инвестиции в десятки миллиардов.

О том, как достичь этого, я уже неоднократно писал ранее, в том числе три года назад в статье «Сингапурский феномен», а позже в сериях «Стратегии и стратегия», «Миссия (не) выполняема?», «И один в поле воин» и пр.

Причём, какой бы аспект проблемы не рассматривался, в конечном итоге, всегда приходил к выводу и продолжая считать сейчас, что дело в элементарной требовательности начальника к подчинённому и всё должно начинаться с первого лица республики.

Ему не нужно под грохот барабанов устраивать очередную пропагандистскую охоту на проклятых, но неуловимых коррупционеров и сетовать, что для окончательной победы не хватает каких-то законов.

Не нужно сажать, отстреливать или поджаривать их на ковре.

Не нужно «всех разогнать и набрать честных».

Всё это популистская чепуха, которая из года в год периодически выплёскивается на экраны телевизоров и страницы газет.

Ему не нужно и самолично контролировать всю вертикаль власти, доходя до каждого рядового клерка в самом отдалённом районе.

Достаточно лишь правильно оценить потенциал того либо иного сектора экономики или социальной сферы и определить для чиновника, отвечающего за него, несколько индикативных показателей, свидетельствующих с высокой достоверностью о степени реализации этого потенциала, и срок, в течение которого нужно достичь вполне определённых результатов. Естественно, чиновник должен быть наделён и соответствующими поставленной задачи полномочиями.

При этом не следует ждать наступления заданного директивной часа «Ч», когда наступит благоденствие.

Нужно отслеживать динамику процесса и уже первые квартал – полугодие покажут – справляется чиновник с возложенными на него обязанностями или нет.

– Не тянет товарищ?

– До свидания.

Вне зависимости от того, честный он или не очень.

Должности «хороший человек» в правительстве нет. Ищите другого.

И так до тех пор, пока всем претендентам не станет ясно, что вожаемое кресло есть не синекура, а требующая высокого профессионализма, ответственная, тяжёлая, и зачастую неблагодарная работа.

Товарищ же, который поймёт это и будет способен нести ношу, в свою очередь, уверяю вас, даст понять тем, кто находится у него в прямом подчинении, что не потерпит..., а те, в свою очередь, ещё ниже... вплоть до того самого рядового

клерка.

Кадры, как учил лучший друг детей и спортсменов Иосиф Виссарионович Сталин, решают всё.

После, максимум, трех —четырёх таких кадровых революций управленческая вертикаль непременно заработает.

А может, будет достаточно и одной.

Порукой тому опыт послевоенной Японии и попозже — Сингапура, успешность которого сегодня, думаю, никто не ставит под сомнение.

Побочным эффектом такого подхода является то, что он автоматически снимает и проблемы клановости, землячества, куначества, уходит в никуда национальный вопрос, которому у нас небезосновательно уделяется столь болезненное внимание.

Объяснение этому элементарное.

Природой заложено, что мотивацией в деятельности любого человека, чтобы он не говорил, является его личный интерес.

Если чиновник извините «шкурой» почувствует, что его личное благополучие зависит не от клана, а только от результатов деятельности на вверенном ему участке, которым непременно будет дана объективная оценка, он сразу же забудет и нацию, и кунаков, а будет искать профессионалов, с помощью которых можно будет получить требуемый результат и, значит, спасти свою, опять извините, задницу.

– Окажутся среди профессионалов и земляки-кунаки?

– Ну и что? Если всё делается правильно, их число само по себе будет укладываться в пределах определённых пропорций, а спрашивать с них, по понятным причинам он будет ничуть не слабее, чем с остальных.

К тому же, если это настоящие профессионалы, то ни у кого, кроме разве что небольшого числа вечно национально озабоченных, их присутствие не будет вызывать никаких эмоций.

Сегодня определённый оптимизм внушает заявление президента на том самом расширенном заседании правительства об ответственности министерств за вверенные им участки работы и своём намерении дать оценку тому, как они справляются со своими обязанностями, по итогам третьего квартала и года.

Убеждён, это единственно возможный шаг в правильном направлении.

Всё остальное лишь гарнир к этому основному блюду, призванный придать ему должный вкус.

Но это только первый шаг.

II

В предыдущей главе было показано, что вывод из тени хотя бы половины дагестанской экономики способно решить

все бюджетные проблемы и даже вывести республику из числа дотационных в доноры. Без инвестиций, инноваций и нанотехнологий.

Нужно просто выстроить систему управления, обеспечивающую правильную мотивацию управленческого персонала, хотя в действительности это, конечно же, очень непросто.

Но другого пути нет.

Невозможно эффективно управлять таким крупным и сложным организмом, как республика, даже если бы в нём всё было хорошо, как с помощью безответственных недоучек, так и в режиме лёгкой прогулки.

Тем более, важно, чтобы основное усилие прилагалось в главном, а не второстепенном направлении.

Вместе с тем, денег, как известно, много не бывает и поэтому давайте рассмотрим ещё один достаточно мощный именно для дагестанских реалий фактор, имеющий, кстати, тоже прямое отношение к качеству управления.

Мы как-то привыкли видеть источники пополнения республиканского и местных бюджетов только в чисто производственной сфере и с непонятным пренебрежением относимся к замечательным по эффективности инструментам непроизводственного характера, которые либо не требуют дополнительных инвестиций вообще, либо требуют их в чисто символических объёмах, вполне посильных для республики.

Отдачу же они – инструменты тоже дают не через несколько лет, а сразу после того, как их задействуют.

К примеру, в конце прошлого года Народное собрание республики утвердило специальным законом отчёт Правительства об исполнении бюджета за 2008 год (исполнение бюджета 2009 года пока ещё оно не рассматривало).

Вы знаете, на какую сумму его пополнили «денежные взыскания (штрафы) за нарушение законодательства о недрах, об особо охраняемых природных территориях, об охране и использовании животного мира, об экологической экспертизе в области охраны окружающей среды, земельного законодательства, лесного законодательства, водного законодательства»?

Это я процитировал название статьи бюджета.

Так вот, насчёт штрафов за весь этот перечень шалостей:

Они, на территории более 50 тысяч квадратных километров «лесов полей и рек», где «вольно дышит» более 2,7 миллиона человек и где имеются сотни километров одного только морского побережья, составили аж целых две тысячи рублей (!).

Точно такая же цифра – 2 тысячи рублей фигурирует в бюджете, как штрафы за нарушение лесного законодательства.

Я в начале никак не мог поверить своим глазам, подозревая опечатку и даже учинил проверку, сложив доходы

по всему разделу, где расположена эта статья и сравнив сумму с итоговой цифрой. – Сходится.

Если верить официальному документу, оказывается у нас не республика, которую мы знаем, а обиталище почётных членов партии зелёных, которые травинку не сорвут, букашку не обидят и лучше будут голодать, чем браконьерствовать.

Несложное арифметическое действие показывает, что эти несчастные две плюс две тысячи рублей, обогатившие бюджет, можно было собрать, оштрафовав в течение целого года на целых восемьдесят (!) рублей по одному нарушителю в каждом из более чем полусотни районов и городов республики.

В Народном собрании ни у кого никаких вопросов на этот счёт не возникло.

Никто не удивился, не возмутился и все, в том числе и депутаты, состоящие в комитетах, ответственных за наши леса, поля и реки, дружно проголосовало утверждая бюджет с такой интересной цифрой.

Ребята, вы бы хоть выглянули в окно, хотя бы вспомнили Сары-кум или Самурский лес, или КОР, или просто Каспийское побережье, или... Да можно перечислять до бесконечности.

Вся республика загажена мусорными свалками, незаконными карьерами, никакой рекультивации, леса вырубаются, безхозные скважины с термальными водами, деревья уве-

шанные пакетами, в море уже не осталось рыбы...

И один простой показатель, позволяющий на этом фоне оценить как напряжённы мы работаем, чтобы ликвидировать это постыдство – четыре тысячи рублей штрафов.

Разве это не издевательство?

А сколько у нас ещё сфер жизнедеятельности и социальной и экономической?

И везде имеются свои контролирующие структуры (МВД, Технадзор, Потребнадзор, Пожнадзор, Сельхознадзор...), и везде безбрежный океан безобразий на любой вкус. При этом речь идёт не только о вопросах типа не туда бросил окурок или не туда высыпал мусор.

В любом секторе экономики и социальной сферы имеются свои нормы и практически нигде они у нас не соблюдаются.

А раз так, то откройте Кодекс об административных правонарушениях (КоАП).

Разве это не энциклопедия источников пополнения бюджета? Никаких инвестиций и каждый рубль, а не 5—10 копеек с него прямохонько в республиканский или местный бюджет.

– Братья, возрадуемся же, извините, бардаку, что сотворили собственными руками, ибо это есть неиссякаемый источник наших доходов и примемся, наконец, черпать из него!

– Ах, для этого надо напрягаться, совать везде нос, конфликтовать, воспитывая штрафами ответственных товари-

щей и всё остальное безответственное население?

Ну, тогда давайте ликвидируем эти надзорные конторы. Хуже не станет.

Или мы продолжаем жить, извините, в дерьме, или начинаем его выгребать. И, в первую очередь, вовсе не ради пополнения бюджета, хотя, конечно же, сейчас речь именно о бюджете.

Читатель может спросить: – А как же неиссякаемый источник, если вдруг произойдёт чудо и на земле дагестанской воцарит такая благодать, что к нам за опытом из разных швейцарий будут приезжать правительственные делегации?

Ну и где тогда наши доходы в бюджет?

Отвечаю: – Если источник действительно иссякнет, то иссякая он породит другой ещё более мощный источник, где деньги будут уже благоухать, а не отдавать зловонием.

Я даже закон такой вывел: – **Доходный потенциал штрафов от, извините, бардака прямо пропорционален эффекту от его устранения.** Математически он выражается в виде формулы: $\mathcal{E} = k\text{ДПШ}$, где **k** – коэффициент пропорциональности, который в несколько раз больше единицы.

То есть, если нам будет не за что ежегодно брать штрафы, например, на миллиард рублей – исчезла база, значит, мы получили от наведения порядка суммарный положительный эффект в несколько миллиардов в год.

Из чего он складывается?

Во первых, из роста доходов – чистота, порядок, соблюдение технологий не может не повышать производительность труда, конкурентоспособность продукции и услуг, а также способствовать инвестиционной привлекательности республики со всеми вытекающими из этого последствиями – капитализация её экономического потенциала возрастет многократно.

Я полагаю, что не меньше, чем террористическая активность, инвесторов пугает вид республики, напоминающий одну большую помойку и вы никогда не докажете им, что ужасная снаружи, она очень добрая внутри. Такого не бывает.

А инвестор, как известно, птица пугливая, шарахающаяся от каждого подозрительного куста.

Во вторых, мы получаем эффект от снижения расходов – уменьшение заболеваний, травматизма и гибели людей, увеличения сроков эксплуатации материальных объектов, простоев из-за аварий, расходов на устранение их последствий...

И в третьих, мы получаем самое бесценное – повышается уровень законопослушания граждан, которое иначе ни за какие деньги не купишь и без которого любые благие начинания обречены на провал.

Почти всех нас, к сожалению, воспитывает вовсе не «нравственный закон внутри нас», который всегда наполнял

душу старины Канта «новым и все более сильным удивлением», а чувство неотвратимости наказания.

Ну и, в заключение, вернувшись от философий опять к сермяжной правде бюджета, приведу хоть и далёкий от нас, но наиболее яркий пример.

Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС унесла 75 жизней, а на устранение последствий будет потрачено 40 миллиардов рублей.

Это без потери доходов от простоя станции на время восстановления.

Правительственная комиссия вроде бы разбиралась в причинах и даже назвала виновников во главе с народным «любимцем» Чубайсом.

Но я сейчас не об этом, а про то, что с первого же дня происшествия мне, как инженеру, было ясно – причина катастрофы в технике.

Если, конечно, в форточку машинного зала ГЭС не залетел какой-нибудь «тунгусский метеорит», не диверсия ЦРУ или свой российский дурак не ухитрился, всё-таки, преодолеть «защиту от дурака».

Впрочем, эти версии как-то и не озвучивались.

Раз так, то следует говорить либо об ошибках в проектировании станции, либо о некачественном исполнении проекта, либо о нарушении правил эксплуатации.

А может быть и о всех трёх факторах одновременно.

На Чубайсе и его команде своя доля вины, конечно же, лежит. Тем не менее, кроме него имеется ещё и контора, в прямые обязанности которой входит отслеживать все эти проекты, дефекты и правила эксплуатации на предмет соответствия нормам и правилам. Называется она Ростехнадзор.

А в КоАП имеется целая глава под заглавием «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике».

В ней фигурируют две статьи, касающиеся безопасности эксплуатации промышленных объектов, в том числе и гидротехнических сооружений, где предусмотрены не только штрафование, но даже приостановка сроком до 90 суток деятельности объектов, где допускаются нарушения.

Вы представляете – остановить на три месяца хоть и непослушную, но громадную ГЭС, которая нарушает правила эксплуатации?

А почему бы и нет? Объект-то серьёзный и, соответственно, требовал особого к себе внимания.

А теперь положите на одну чашу весов десятки загубленных жизней и десятки миллиардов прямого материального ущерба, а на другую штрафы и угрозу, путь даже осуществлённую, – приостановку работы турбины до устранения нарушения.

Ну и что перевешивает?

III

В прошлой раз я вскользь затрагивал тему антисанитарии, царящей у нас повсеместно, и посчитал её закрытой, раз уж речь идёт о бюджете, а не ЖКХ.

Тем не менее, вновь не могу удержаться.

Так получилось, что несколько дней спустя после этого, мне пришлось с москвичами проехаться по маршруту Махачкала – Кумух.

Дорога через Карабудахкент хоть и короче, но скучновата и я выбрал старую – через Буйнакс.

Великолепные виды, открывающиеся за каждым поворотом заставляли их хвататься за фотоаппарат, а мне было стыдно за то, что сама дорога превращена в сплошную свалку бытовых отходов.

Особенно отвратительными выглядели две помойки на поворотах в районе Карамахи. В той же зоне потрясла помойка рядом с родником и молельной комнатой (!) – инсталляция «Нарочно не придумаешь».

Не менее отвратительны были свалки и в самих населённых пунктах – абсолютно всех, через которые мы проезжали. И у кумыков, и у аварцев, и у даргинцев, и у лакцев.

Мы – дагестанцы, оказывается, отличаемся от животных тем, что гадим даже рядом со своим жилищем и водопоем.

Уважаемые господа – главы сельских администраций.
Неужели вас устраивает вся эта блевотина?

Неужели нельзя собрать джаамат, пристыдить людей, договориться, чтобы мусор относить или отвозить в специально отведённые места, а не вываливать там же, где живёшь, и организовать эту работу?

На что расходуются средства, выделяемые для коммунальных нужд?

— Их нет или не хватает?

— Так привлечите старейшин, учителей, врачей, школьников... Напомните им, что чистота нужна не для начальника, а, в первую очередь, для себя любимых.

Имеется немало способов, используя которые можно добиться результатов даже без денег. Чтобы и среда обитания для самих же обитателей этой среды не выглядела столь мерзко и чтобы в глазах приезжих не выглядеть, извините, свиньями.

Согласен, что это непросто, вернуть людей, уже привыкших к скотскому образу жизни, в человеческое состояние. Но вы же подрадились не кукурузу охранять.

Кому ещё кроме вас не стоять во главе этого дела?

А о чём думают имамы мечетей, счёт которым у нас ведётся тысячами?

Где это написано, что мусульманин может гадить везде, лишь бы совершал омовение собственного тела перед молитвой?

Почему Дагавтодор и прочие «доры» не установят в определённых местах по обочинам дорог, яркие, красиво оформ-

ленные мусорные баки, и будут их периодически опорожнять?

О чём думают хакимы районных и республиканского значения, проезжая в свои родовые селения по этим дорогам и населённым пунктам, включая и сами селения?

Неужто они считают, что это нормально и даже небрежно швыряют пустые бутылки и прочий мусор из окна автомобиля.

А может, наоборот – чертыхаются, беспомощно разводя руками?

Ну и что? Кстати, скоро ураза и все они через наши помойки дружно ринутся «к отеческим гробам».

Убеждён, восстань наши прадеды из земли, они были бы поражены тем, во что превращены их родные селения.

До этого веками в Дагестане не было ни дотаций, ни ЖКХ, ни инспекций, но аулы не утопали в дерьме.

Поверьте, это мне известно достоверно.

Государство собирается потратить миллиарды на создание горнолыжного центра в Хунзахском районе.

Возить же туда людей, наверное, будем на автобусах с зашторенными окнами, чтобы не демонстрировать наш позор.

На столь удручающем фоне определённый оптимизм вызывает акция «Чистый город», которая ведётся сейчас в Махачкале, хотя и она – Махачкала тоже имеет немало проблем. А может быть, как раз из-за этого.

Акция симпатична не столько даже целью, к которой призывает (к чистоте мы призываем всегда и это давно превратилось в пустую фигуру речи), а тем, как она организована.

Судя по всему, это не очередная кампанейщина, а грамотно выстроенная программа, адекватная масштабам города и ориентированная на то, чтобы воспитать горожан и сделать город чистым не к очередному празднику, а всегда.

Думаю, городские власти понимают – воспитывать придётся достаточно долго, тяжело и что другого пути нет.

Кстати, тот бытовой мусор, что образовался у нас во время поездки, складывался в отдельный пакет.

Не выкинув на дорогу по ходу движения, мы привезли его в Махачкалу, где бросили в мусорный бак, который на самом маршруте нам нигде так и не подвернулся.

Теперь вернёмся наконец к нашим бюджетным «баранам».

Среди всех видов правонарушений, отражённых в КоАП, у нас особое место принадлежит тем, что имеют отношение к Правилами дорожного движения.

В этом деле Дагестан, как и Россия в целом впереди планеты всей. Во всяком случае, той её части, что принято считать цивилизованной.

Наиболее часто встречаемыми в этой сфере являются нарушения скоростных режимов, для контроля за соблюдением которых в мире давно используются электронные систе-

мы наблюдения, в том числе и, так называемые, стационарные фоторадарные комплексы.

Применяются они и в России, но всё ещё чрезвычайно редко. Висит такая штука над дорогой и делает спокойно своё дело – фиксирует нарушения и по номерам автомобиля определяет кто владелец, где живёт, распечатывает фото с указанием даты и времени и даже квитанцию на оплату штрафа. И никакого плутоватого инспектора в кустах.

Если же объединить комплексы территориально в сеть, то информация будет стекать на сервер единого центра, где в режиме реального времени распечатывается всё необходимое и отправляется адресатам – нарушителям.

По данным российских разработчиков, комплекс, установленный ими в Ленинградской области, только на одном участке дороги на одной полосе движения фиксирует в среднем 1200 нарушений в сутки.

Один такой трёхполосный комплекс стоит порядка 2 миллионов рублей, плюс издержки по созданию сети и единого центра обработки информации. Расчёты опускаю, но в течение нескольких суток он компенсирует все затраты и остальное время фактически выполняет функции машинки для печатания денег в местный бюджет, куда штрафы и поступают. Получается, что в течение года он может дать порядка 700 миллионов рублей (!). Например, если в Махачкале установить всего 10 таких комплексов, то у города исчезает про-

блема дотационности.

Эта цифра при подсчёте мне самому показалась настолько невероятной, что я, хотя никаких ошибок не вижу, решил на всякий случай уменьшить сумму раз в десять. Всё равно получается фантастический эффект.

Запустить этот проект можно максимум за год. А если в масштабах всей республики?

В тишайшей законопослушной Англии, где как-то даже трудно представить себе лихачей, ежегодно фоторадарными комплексами (спид-камерами) фиксируется более миллиона нарушений скоростных режимов, которые приносят бюджету доход в виде штрафов на сумму в 150 миллионов долларов.

Запущенная совсем недавно в Подмоскowie система, которая, кстати, покрывает ещё далеко не всё, уже успела в первом полугодии текущего года зафиксировать порядка 400 тысяч нарушений – в пересчёте на год величина близкая к той, что фиксируется в целой Англии – и принесла в бюджет четверть миллиарда рублей. Значит, к концу года можно смело прогнозировать не менее полумиллиарда.

Это в 100 раз больше того, что за весь 2008 год получил дагестанский бюджет в качестве доходов от штрафов за все виды нарушений – и на автомобильном транспорте, и во всех остальных сферах жизнедеятельности. Для сравнения – чтобы получать ежегодно такие же поступления в бюд-

жет за счёт производственной деятельности нужно создать мощности, в которые инвестор должен будет вложить порядка 5 – 10 миллиардов рублей.

Эта цифра соизмерима со всеми (!) инвестициями в реальную экономику республики (8—9 миллиардов рублей), которые делаются у нас ежегодно и которые на недавнем совещании по инвестициям озвучил президент республики.

В нашем же случае всё обойдётся в 30—40 раз меньшими вложениями (150—200 миллионов рублей).

– Где взять такие деньги?

– Из бюджета республики, для которого это вполне сильная сумма.

Их можно изыскать хотя бы, урезав соответствующие суммы дотаций каждому из муниципальных образований, в бюджеты которых потом и будут поступать штрафы.

Безусловно, я противник прямого участия государства в проектах коммерческого характера.

Максимум, оно должно финансировать подготовку инвестиционных площадок и предоставлять преференции в виде налоговых льгот или компенсаций кредитной ставки.

Все остальные риски, что связаны с основным телом инвестиций, должен брать на себя бизнес.

Предлагаемый же проект хоть и чрезвычайно доходен, никак не может считаться коммерческим, поскольку имеет отношение к функции, числящейся в прямой компетенции го-

сударства – контроль за дорожным движением.

В принципе проектом должна заниматься структура федерального подчинения – МВД РД. Однако, проблемы республиканского бюджета не его проблемы и неизвестно, когда и в каком масштабе федеральное МВД посчитает необходимым запускать такой проект в Дагестане.

Вместе с тем перед нами тот самый случай, когда время, которое мы проводим в пассивном ожидании, это деньги, которые мы теряем.

Зачем ждать кого-то, если весь проект под ключ может осуществить сама республика, и потом передать МВД.

Пусть эксплуатирует. Доходы-то всё равно пойдут в бюджет.

Настоящее предложение вполне укладывается в сложившуюся практику. Разве республика и ранее и сейчас не помогает министерству в развитии его материальной базы?

Впервые эта идея была озвучена мною в одной из статей более года назад.

С тех пор, если бы проект был оперативно запущен, он уже полностью окупился бы.

Мы получили бы не «рыбу», которой можно один раз чуть-чуть подкормить бюджет, а «удочку» для регулярной ловли очень большой «рыбы».

Разве это не фантастика – повторяю для непонятливых чиновников – один маленький проект способен дать бюд-

жету столько же, сколько дают сейчас все остальные большие вместе взятые, которые осуществляются в течение года в производственном секторе экономики?

Президент Магомедов поставил перед Правительством задачу до конца года получить задел из десяти не дутых, а реальных инвестиционных проектов. Ставлю сто против одного, что по своей эффективности ни один из них, как бы чиновники не упирались, даже не приблизится к предлагаемому.

IV

Теперь перейдём от Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) к Кодексу земельному, который для бюджета тоже является золотой жилой, не требующей для своей разработки никаких особых инвестиций и которая тоже у нас используется самым бездарным образом.

Как известно, земельный вопрос для республики один из острейших.

У проблемы два аспекта.

Первый – во всём мире земля является главным богатством муниципальных образований, за счёт доходов от которой формируются их бюджеты.

В Дагестане же бюджетообразующую роль земельных ресурсов можно увидеть только через микроскоп.

Например, по итогам первого полугодия этого года сум-

марный доход муниципальных бюджетов от земельного налога составил 337,5 млн. руб. или 15,2%, в структуре поступлений.

Делим на более чем полсотни муниципалитетов и получаем смешную цифру – в среднем порядка 6—7 миллионов рублей на каждый из них.

Если же вспомним, что в муниципальных образованиях за исключением Махачкалы дотационность нередко зашкаливает далеко за 90%, то окажется, что вклад земельного налога в общую наполняемость многих муниципальных бюджетов составляет даже менее 1%.

Второй аспект, имеющий отношение прежде всего к землям сельскохозяйственного назначения, – очень много пустующих земель.

В тоже время, если появляется приличный инвестор, ему невозможно предложить ничего подходящего, поскольку везде оказывается либо хозяин, либо арендатор.

Бытующее во властных структурах мнение, что выход в введении института частной собственности на землю, представляется надуманным поскольку аренда на 49 лет да ещё с преимущественным правом последующего выкупа по сути очень близка к частной собственности и ничего радикального здесь произойти не может – только пустые хлопоты.

Причина в другом.

Владение землёй, считающейся во всём мире одним из самых ценных и всегда только дорожающих ресурсов, у нас официально стоит копейки.

Налог на землю, помимо очевидной для всех фискальной функции, призванной обеспечить наполняемость бюджета, несёт ещё и другую не менее важную функцию, которая, кстати, тоже должна обеспечить наполняемость бюджета.

Налог должен стимулировать эффективную эксплуатацию земельных ресурсов.

Простаивание или неэффективная эксплуатация земель должна становиться серьёзным финансовым бременем для её владельца.

В Дагестане же такая функция налога атрофирована до предела.

Этот нонсенс не мог не породить столь уродливую систему земельных отношений, которая, как не заклинай её, как не потрясай кулаками, в таком виде работать нормально не будет никогда.

Объективные законы экономики заговорами и приворотами не обманешь.

Их игнорирование, мало того, что только блокирует эффективный оборот земель, но и является источником конфликтов, которые регулярно потрясают республику, принимая зачастую политическую окраску – народ бьётся насмерть за дармовщину, которая фактически стоит очень даже доро-

го. Проблема полностью выведена из экономической плоскости, где ситуация достаточно прозрачна и решаемая, в плоскость чисто юридическую, где при нашем правосознании и качестве оформления прав собственности сам чёрт ногу сломает.

Всё сводится к бесконечным разбирательствам типа правильно ответили – неправильно ответили, обманули – не обманули...

Наиболее очевидный пример неправильной оценки – Унцукульский район, где кадастровая стоимость земель для ведения подсобного хозяйства определена в 300—500 рублей за сотку.

При этом расчёты рыночной стоимости земель, затопленных там же при строительстве Ирганайской ГЭС, выводят на цифры порядка 200—400 тысяч рублей за сотку (!), на которые очень даже активно претендуют жители района.

И государство, судя по всему согласно, если планирует потратить на компенсации парочку с лишним миллиардов рублей.

То есть, разрыв между кадастровой и рыночной стоимостью у нас зачастую может достигать прямо таки фантастической – тысячекратной (!) величины.

Однако, такого не может быть, потому что не может быть никогда.

Кадастровая стоимость это не какая-то там марсианская,

а та же рыночная стоимость, только рассчитанная методом массовой оценки.

Она является средней для кадастрового квартала, в пределах которого, рыночная цена конкретного участка может несколько отклоняться от неё, но совершенно не на такие, потрясающие воображение, величины.

Из этого можно сделать только один вывод – **кадастровая оценка земель в республике является откровенной туфтой. Сделанной в своё время сознательно или по глупости – это уже другой вопрос.**

А поскольку для земельного налога она является базой, то, в результате, сегодня муниципальные бюджеты получают его, где в десятки – сотни, а где и в тысячу раз меньше положенного .

Причём, речь идёт об одном из наиболее легко рассчитываемых и, значит, взимаемых налогов, поскольку здесь всё очень прозрачно.

Нужна только правильно определённая кадастровая стоимость.

Всё остальное – секундное дело для компьютера.

Примерно такая ж ситуация и с арендой земель.

Арендная плата, определяемая муниципальными образованияами, как рыночная – этого требует закон – в настоящее время фактически никакой рыночной не является.

И здесь тоже, как и в случае с кадастровой стоимостью, во-

прос о том, сознательно это делается или по глупости оставляю за скобками.

Стоимость аренды чисто символическа и обычно составляет 200—500 рублей в год за гектар (!).

Например, пенсионер, может держать в аренде несколько десятков гектаров земель сельскохозяйственного назначения – не обрабатывая, на всякий случай, платя за неё в год одну свою месячную пенсию – вполне посильно.

А что тогда говорить об арендаторах сотен и даже тысяч гектаров?

Какой им стимул обрабатывать эту землю?

Пусть себе лежит, отдыхает.

Вместе с тем, они нередко сдают свои участки в субаренду, стоимость которой на отдельных участках может достигать 80—100 тысяч рублей за гектар – фантастическая норма отдачи, которая иногда может во многие сотни раз (!) превышать стоимость прямой аренды.

И это тоже деньги, которые должны были поступать в бюджет, если бы рыночная стоимость аренды была бы рассчитана должным образом.

Сложившееся в некоторых чиновничьих кругах убеждение, что рост арендной платы или величины налога может больно ударить по неимущим слоям сельского населения, есть не более чем популистика, не имеющая под собой никакого обоснования.

В этом вопросе уровень экономического мышления чиновников в сравнении с ушлыми землевладельцами и арендаторами, которые демонстрируют прекрасное знание предмета, выглядит просто убого.

Стоимость земли прямо пропорциональна величине дохода, которую можно с неё получать – это азбука.

КАМАЗ стоит дороже Газели, вовсе не потому, что его сложнее изготовить и требует для этого больше материалов, а потому что у него большая грузоподъёмность, что позволяет его владельцу при прочих равных получать больший доход от перевозки грузов.

Если человек владеет земельным участком реальной стоимостью в миллионы рублей, то он уже не бедняк, а достаточно состоятельный человек, владеющий собственностью, способной приносить ему очень даже приличный доход.

Поэтому несколько тысяч и даже десятков тысяч рублей налога никак не способны поколебать его финансовое положение.

– Земля есть, а бремя владения для собственника всё-таки непосильно?

– Значит, собственник не умеет или не хочет получать с неё соответствующий доход.

Тогда пусть продаёт и, положив в карман миллион – другой, едет отдыхать на Канары или займётся каким-нибудь другим более подходящим бизнесом.

Земля должна работать.

Если же его земельный участок по каким-то объективным причинам действительно стоит копейки, то есть, как не крутись, но способен приносить только мизерный доход, значит и налог (до 0,3% от кадастровой стоимости) составит те же самые копейки.

Нечто подобное можно сказать и про арендную плату. Если субарендатор готов платить арендатору тысячи и даже десятки тысяч рублей, значит, земля способна приносить доходы в 5—10 раз большие, чем его субаренда и нечего арендатору плакаться о непосильной плате тогда, когда она станет равной нынешней субаренде.

Работай, как положено – получишь соответствующий доход. -Не хочешь или не можешь работать?

– А зачем тогда тебе аренда, непосильные расходы и прочие хлопоты?

Впрочем, таких землевладельцев и арендаторов не надо воспитывать или отбирать силой их участки.

Воспитателем выступит экономическая целесообразность, основанная на реально рассчитанной, а не фиктивной кадастровой стоимости земли или рыночной стоимости её аренды.

Те, кто не может или не хочет нормально работать на ней, сами от неё и откажутся без демонстраций, перекрытия дорог и прочих эксцессов.

Пару недель назад в своём выступлении на расширенном заседании правительства президент республики, касаясь вопроса землепользования, рекомендовал муниципальным образованиям в целях повышения доходности местных бюджетов пересмотреть ставки земельного налога.

Предложение, безусловно, не спонтанное, а явилось результатом предварительного обсуждения с чиновниками в аппаратных недрах.

Но Президент или Глава правительства не могут знать всё на свете и наверняка никто из профильных чиновников не проинформировал их о реальном состоянии дел с кадастровой оценкой.

Судя по всему, чиновники даже не видят (или не хотят видеть?) эту проблему.

Вот и остаётся только варьировать величиной налоговой ставки, которая по закону не может превышать для земель, занятых жилищным фондом, личными подсобными хозяйствами, садово-огородными товариществами, а также земель сельскохозяйственного назначения 0,3% от их кадастровой стоимости.

При фантастически заниженной кадастровой стоимости для земель, например, сельскохозяйственного назначения, налог даже по максимуму – 0,3% – может составить порядка 1 рубля. И это в то время как при правильно определённой стоимости речь пойдёт уже о сотнях рублей за ту же самую сотку.

Если в масштабах республики в первом случае речь будет идти максимум о нескольких десятках миллионов рублей дополнительных поступлений в бюджет, которые ему что дробинка слону, то во втором – о миллиардах.

Например, если величина земельного налога возрастёт в среднем хотя бы в 10—20 раз, а это минимум, то речь пойдёт о цифре порядка 4—8 миллиардов рублей.

Чтобы получить такие же доходы от производственного сектора, потребуются инвестиции порядка 150—200 миллиардов рублей и, как минимум, 3—5 лет ожидания пока эти инвестиции начнут давать отдачу.

Напомню, что в настоящее время со слов президента инвестиции в производственный сектор экономики республики составляют лишь 8—9 миллиардов рублей. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Что же касается необходимости помимо земельного налога поднять ещё, где в десятки, а где и в сотни раз несуразно низкую арендную плату за землю, приведя её в соответствие с рыночной, как того требует закон – вот где тоже таятся не меньшие миллиарды – то, судя по всему, это для чиновников, подносящих президенту «снаряды», тоже является тайной за семью печатями.

Здесь, думается, будет уместным вспомнить ещё одно сошествие, что недавно проводил президент.

На нём – посвящённом привлечению инвестиций, он вы-

разил недоумение, что по настоящее время не создан земельно-инвестиционный фонд РД, о котором говорил в своём послании Народному собранию. «... Почему— тоже надо разобраться».

Являясь противником создания государственных залоговых фондов и вообще, каких-либо финансовых подстраховок со стороны государства в коммерческих проектах я, тем не менее, выскажу предположение, что одной из причин того, что фонд не создан, является то обстоятельство, что наиболее лакомые участки давно приватизированы или находятся в долгосрочной аренде, хотя и продолжают успешно зарастать чертополохом или сдаются в субаренду.

Приличный фонд просто не из чего создавать.

Резюмируя, повторяю, что нормализация кадастровой стоимости и стоимости аренды за землю не только создаёт два мощных источника пополнения бюджета, но и, как уже сказано выше, разблокирует оборот земель в пользу наиболее эффективных собственников, поскольку владение ею просто так, на всякий случай, или в целях передачи в субаренду потеряет смысл и даже станет серьёзным бременем.

Собственники и арендаторы будут вынуждены либо работать на земле, получая должную отдачу, либо сами добровольно откажутся от неё.

Это же во многом снимет и основу для всякого рода земельных конфликтов, о которых тоже говорилось ранее — ха-

лява кончится.

Кроме того, на 2—3 порядка возрастёт официальная капитализация земель – актива, который во всём мире используется в качестве залога при кредитовании.

Действия экономических регуляторов всегда дают мультипликативный эффект – положительный либо отрицательный.

То есть, если действительно хотим, как лучше и делаем это правильно, то получится ещё лучше. Ну и наоборот.

Бессмертная максима Черномырдина про то, что получается, как всегда, свидетельствует лишь о хронических ошибках, допускаемых этими самыми регуляторами.

V

При чтении предыдущих глав у читателя, возможно, возникал вопрос: – Не слишком ли легко автор жонглирует девятизначными цифрами?

– Десять миллиардов туда, пятьдесят сюда...

– В принципе, я как-то уже показывал на реальных примерах, что для того, чтобы иметь ежегодно 1 рубль в консолидированный бюджет, необходимо инвестировать в производство, как минимум, 10—20 рублей.

Поэтому и получалось что, например, создание в республике системы стационарных фоторадарных комплексов,

фиксирующих нарушения скоростных режимов движения и способных принести в бюджет, допустим, миллиард рублей, для него – бюджета по своему эффекту равнозначно инвестициям в производственный сектор в размере порядка 10—20 миллиардов.

Это не считая того, что такие инвестиции ещё нужно суметь привлечь, а комплексы республика в состоянии осилить и сама (150—200 миллионов рублей).

Я не говорю уже о том, что плодов от инвестиций в десятки миллиардов надо ещё и ждать минимум, 3—5 лет, плюс риски, объективно присущие любому бизнесу, а фоторадары можно пустить в дело за год, причём каких-либо особых рисков не имеется.

Если перейти ещё раз от общих рассуждений про инвестиции в производство к конкретике, то, пожалуйста:

– В одной из публикаций «Дагестанской правды» на прошлой неделе сообщалось о проекте ОАО «Авиаагрегат» в 460 миллионов долларов – более 14 миллиардов рублей, которые, будут ежегодно приносить «в бюджетную систему РФ и внебюджетные фонды» порядка 1,2 миллиарда рублей.

То есть, для поступления 1 рубля в бюджеты всех уровней плюс внебюджетные фонды (пенсионный, ФОМС и пр.) необходимы более 10 рублей инвестиций в производство. Отнимаем из общей суммы поступлений положенное для федерального бюджета и внебюджетных фондов и увидим,

что для республиканского бюджета не останется и половины от этих самых 1,2 миллиарда.

В результате получается то самое, на что я и обращал внимание, когда говорил об инвестициях в производство – для того, чтобы именно от этого проекта получить 1 рубль в бюджет республики, необходимо инвестировать в рассматриваемом случае даже 20—25 рублей.

(Напомню, что у меня для всего производственного сектора речь шла про «как минимум, 10—20 рублей».)

Это я не к тому, что не следует заниматься инвестициями, а к тому, что не следует одновременно с этим игнорировать инструменты, способные без особых инвестиций, а только благодаря оптимизации системы государственного управления приносить в бюджет несравнимо большие доходы.

Ещё одно и, думаю, самое интересное сравнение:

– В 2009 году экономическая мысль республики родила проект «Стратегия 2020», который впоследствии благополучно скончался.

О его «достоинствах» я имел возможность высказаться ещё два года назад и сейчас речь не об этом.

По проекту – допустим, он был идеален – в течение двенадцати лет республика должна была инвестировать, если мне не изменяет память, порядка 1,3 триллиона рублей.

В результате ВРП Дагестана должен был возрасти где-то раза в четыре, ну и, соответственно – поступления в бюджет.

Так вот, озвученные в настоящей публикации предложения позволяют увеличить поступления в бюджет даже более, чем было заложено в этом проекте.

То есть, эффект для бюджета от них, не менее чем от тех же инвестиционных 1,3 триллионов.

Правда, имеется и разница – не нужно ждать 12 лет, не нужны 1,3 триллиона рублей, которые по проекту непонятно откуда должны были взяться и отсутствуют риски того, что инвестиции не дадут ожидаемой отдачи.

Просто, в течение 1—2х лет необходимо приложить достаточно внятные усилия организационного характера, направленные на то, чтобы заставить нормально работать тот потенциал, которым в настоящее время располагает республика, и в дальнейшем эту норму, если не совершенствовать, то хотя бы просто поддерживать.

К тому же, время, как известно, это деньги.

Если же воспользоваться расчётами с использованием элементов финансовой математики, приходишь к выводу: – Десять лет выигрыша, в сравнении с проектом «Стратегия 2020», помимо прочего, означает, что суммарный эффект для бюджета от предлагаемых усилий к 2020 году будет эквивалентен тому, что он – бюджет получил бы за это же время от инвестиций на общую сумму, как минимум в 18 триллионов (!) рублей, которые принесли бы в бюджет порядка одного триллиона вполне реальных, хрустящих рублей.

Может, получение такого или даже пусть в десять раз

меньшего результата стоит предлагаемых усилий?

Вот вам и «Стратегия 2012», никак не связанная с поисками таких желанных, но слишком уж пугливых инвесторов.

Называю по пунктам:

1. Вывести из тени хотя бы 40—50% дагестанской экономики.

2. Заставить работать на полную мощность все статьи КоАП. (Особое внимание созданию системы стационарных фоторадарных комплексов.)

3. Произвести пересмотр кадастровой стоимости земель в республике, приведя её в соответствие с реальностью.

4. Пересмотреть стоимость аренды земель в республике, имеющих статус арендованных, приведя их в соответствие с реальной, а не псевдо рыночной.

VI

Относительно прошлой главы, где говорилось о земельных отношениях, автору были высказаны опасение, что пересмотр кадастровой стоимости и стоимости аренды может привести к неприятным вещам:

– Во первых, арендаторы разбегутся и земля окончательно придёт в запустение, а в бюджет перестанет поступать даже та малость, которая поступала.

– Во вторых, увеличение абсолютной величины земельного налога отпугнёт потенциальных инвесторов.

Убеждён, что опасения напрасны.

Если разбегутся, то только арендаторы, являющиеся фиктивными земледельцами.

Зато на эти места придут их же субарендаторы – реальные земледельцы, которым, в принципе, всё равно кому – прежним арендаторам или государству платить то, что они и так платят.

Выявится немало и других арендаторов, которые готовы заняться сельскохозяйственным производством, да сейчас негде – всё схвачено, законсервировано и не подступишься.

Тогда же, в разговоре я припомнил историю трёхлетней давности, когда, будучи в одном из крупнейших по площадям земель сельскохозяйственного назначения, районе с удивлением узнал, что там в предшествовавшем году поступления в местный бюджет от земельного налога составили аж целых 60 тысяч рублей. А ещё больше удивился, когда мне сказали, что в районе имеются земельные участки, которые сдаются в субаренду за те же самые 60 тысяч..., но за один гектар.

Думаю, комментарии излишни.

Что же касается инвесторов, которых может отпугнуть увеличение земельного налога, то для серьёзного инвестора даже максимальная ставка налога – 0,3% от реальной а не анекдотичной кадастровой стоимости не может превратиться в страшилку.

Он ведь нацелился на приличный бизнес, с соответствующей отдачей, а не на работу через пень-колоду или открытое безделье.

К тому же, размер налоговой ставки это инструмент, которым, местная власть, должна регулировать земельные отношения, добиваясь максимальной эффективности использования земель. Именно для этого закон и предоставляет власти право варьировать ею.

– А каким инструментом она является сейчас?

– Да никаким.

Когда собственник земельного участка платит налог в размере 100—150 рублей в год за гектар, то для него что он – этот налог есть, что его нет, что ставка 0,1%, что 0,3%, по большому счёту, без разницы.

Поэтому обещания государства снизить на какой-то период величину этого налога или даже отменить его не способны вызвать у того какие-либо особые эмоции.

А теперь вновь обратимся к промышленности:

То, что дагестанская экономика должна быть инновационной, что необходима модернизация и пр., и пр., давно уже стало общим местом. Как и то, что для этого нужны инвестиции, инвестиции и ещё раз инвестиции.

Они нужны Дагдизелю, заводу им. Гаджиева...

– Сожалею, но вряд ли такое исполнится.

Ни один частный инвестор в здравом уме не вложит в их

развитие ни одной копейки.

Ему проще построить с нуля новое производство на пустом месте, чем вкладываться в этих агонизирующих мастодонтов, давно уже прошедших точку невозврата.

Кстати, не вложит он, скорее всего, и в строительство с нуля во что-нибудь машиностроительное вообще.

Для этого у него должны быть достаточно серьёзная мотивация.

Вот, строительство стекольного или цементного заводов может мотивироваться, например, наличием сырьевой базы.

– Судостроение?

– А в чём наше конкурентное преимущество перед цепочкой судостроительных заводов, расположенных, начиная с Астрахани вверх по течению Волги, не говоря уже о заводах на морских и океанском побережьях России, чтобы приглянуться инвесторам?

Нечто подобное можно сказать и про электротехнику, авиастроение и пр.

Ностальгирующим же по советским временам, можно сказать, что и тогда строительство предприятий судо, авиа, приборо, радио и прочего строения в республике не имело своего рационального экономического обоснования.

Куда экономичнее было возводить их, где-нибудь в средней полосе России или на Урале.

Фактически это были решения чисто политического характера.

Отсталую во всех отношениях республику центр пытался поднять через искусственную индустриализацию.

Переход к рыночной экономике свёл почти к нулю результаты этой работы.

Дагестан, в отличие от многих других российских регионов, не смог сохранить многое из того, что создавалось десятилетиями и никакой частный инвестор теперь уже не будет заниматься подобной благотворительностью.

– Ну и как быть?

– Думаю, что именно в этом вопросе – развитие высокотехнологических отраслей промышленности – нам остаётся полагаться только на свои силы.

Некоторые наши предприятия, для перечисления которых много даже пальцев одной руки, пытаются так и поступать, но, к сожалению, их собственные скромные финансовые возможности не позволяют осуществить что-то прорывное и масштабное.

Суммарный вклад дагестанского машиностроения в ВРП республики сегодня ничтожен и каких-то революций здесь, судя по всему, не ожидается.

Хочется же, всё-таки, чего-то инновационного и одновременно масштабного. Чтобы на острие прогресса, чтобы республика пошла широким шагом.

– А разве не таков случай с «Авиаагрегатом» и его многомиллиардным проектом?

– Прежде всего, замечу, что, он один такой и ничего другого – подобного на горизонте нашего машиностроения вроде как не видно.

К тому же, не следует заниматься самообманом.

Отдавая должное усилиям руководства этого предприятия, которое, не паразитирует подобно многим другим, на сдаче в аренду площадей для торговли и услуг, а ищет пути не только сохранения, но и развития производства, нужно понимать, что его проект, скажем аккуратно, не особо рыночен.

Получить под гарантии государства кредит, да к тому же связанный условием, что кредитор сам же и построит вам под ключ объект, это совсем не то, когда на свой страх и риск, не требуя никаких гарантий от государства, приходит частный инвестор-производитель либо частный банк готов кредитовать проект опять же без государственных гарантий.

А так, в мире найдётся сколько угодно подрядчиков-«инвесторов», готовых, получив гарантии от государства построить вам что угодно «под ключ».

Они даже выстроятся в очередь.

Построил – получил прибыль. Плюс ещё и вернул своё с процентами. Если же что не заладилось, то, всё равно не страшно – вернёт, если не заказчик, то само государства. И проценты, и прибыль тоже никуда не денутся.

То есть, «Авиаагрегат», повторюсь, конечно же, молодец, потому что, в отличие от себе подобных, ищет пути, позво-

ляющие ему развиваться, и нашёл проект, который государство готово подстраховать своими гарантиями, но это вовсе не означает, что частный инвестор пошёл в наши высокотехнологичные отрасли.

Модернизация (местечковая или абсолютная?)

Ещё совсем недавно наш истеблишмент мужественно сражался с коррупцией и вёл борьбу за инновационную экономику.

Сводились это к бесконечным разговорам о том, как прекрасны инновации и как ужасна коррупция, против чего, конечно же, трудно возразить.

В последнее время набирает силу ещё одна волна – модернизация.

С подачи президента страны, а теперь и нового президента республики, тема уже успела превратиться в хит сезона.

Безусловно, модернизация это хорошо. А плохо то, что очередную идею, как и предыдущие, можно заболтать.

Опыта в этом у нас достаточно – главное вовремя показать, что обеими руками и всей душой...

Даже если не совсем представляешь что это такое и, по большому счёту, вообще не собираешься ради него напрягать ничего кроме голосовых связок.

На фоне демонстрируемого энтузиазма нельзя не заметить некоторый разноречивый в понимании самого явления.

Одни видят в призыве к модернизации чисто технический

аспект – нужны современные технологии.

Давайте закупать станки, строить заводы и будет нам модернизация.

При этом обращение адресовано, как правило, государству и, значит, по сути, речь идёт об очередном огосударствлении экономики.

Другие смотрят несколько шире, включая в перечень ещё научные исследования и доведение их до производства...

Дагестанская наука, как нас постоянно пытаются заверить её адепты, это настоящий клондайк открытий и изобретений, от которого почему-то воротят нос и государство, и предпринимательское сообщество.

Третьи рассуждают о некой инновационной модернизации, из чего напрашивается вывод о существовании и модернизации не инновационной.

А есть ещё пишущие слова модернизация и инновация через запятую, как о самостоятельных явлениях.

Можно привести ещё ряд довольно интересных взглядов, но, думаю, и перечисленных выше вполне достаточно.

Модернизация есть производное от слова модерн (moderne), которое в переводе с французского означает современный.

Однако, это понятие в экономике может иметь довольно широкое толкование, если в каждом конкретном случае не уточнять, что и в сравнении с чем имеется в виду.

Любое усовершенствование, будь то зубочистки, автомобиля или системы государственного управления, представляют из себя один и тот же процесс – модернизацию.

Можно рассматривать её и в другом ракурсе.

Если в ауле кто-то из жителей считает на деревянных счётах, а кто-то – крутя ручку арифмометра, то переход всех аульчан на арифмометры означает модернизацию расчётов. Но в границах аула.

Если средняя урожайность пшеницы составляют 15 центнеров с гектара, а некое наше хозяйство, благодаря каким-то новым технологиям выдаёт рекордные 30—35, то выход остальных на этот же уровень, безусловно, будет означать модернизацию в растениеводстве. Но в пределах республики.

Однако, модернизация ли это, современно ли это с глобальной точки зрения, когда весь мир давно уже сидит за компьютерами, а урожаи зерновых в приличных странах достигают 80—100 центнеров?

То есть, в любом деле может существовать – позволю себе такую классификацию – модернизация местечковая и модернизация абсолютная.

Неплохо бы также определиться и в связях между собой таких понятий как инновация, модернизация и качество жизни, поскольку многие, жонглируя ими, блуждают буквально в трёх соснах.

И ладно б – простые обыватели...

Инновация это нововведение, обеспечивающее повышение эффективности, а модернизация – результат инновации.

Одно без другого не существует и не может быть модернизаций инновационных и не инновационных.

Повышение качества жизни, в свою очередь, это безусловный результат модернизации.

Не может быть такого, чтобы сначала модернизация, а потом, при желании, можно заняться и жизнью.

Наверное, излишне говорить, что местечковая модернизация есть результат инновации местечкового уровня и качество жизни она обеспечивает только местечкового уровня.

Когда президент страны в послании Федеральному собранию говорит о модернизации, которая должна вывести страну в число мировых лидеров, как по части технологий, так и качеству жизни, то речь, может идти только о комплексной модернизации, затрагивающей все аспекты жизнедеятельности общества, и при этом модернизации абсолютной, способной обеспечить конкурентоспособность в глобальном масштабе.

К сожалению, большинство проектов, реализуемых в республике, с такой точки зрения можно квалифицировать только как модернизацию местечковую, в крайнем случае, республиканскую.

Берите любое направление – сельское хозяйство, про-

мышленность, ЖКХ, экология, образование...

Правда, шума и победных реляций вокруг таких достижений у нас бывает немало.

При этом как-то забывается, что живём мы в условиях глобализации и от её ледяных ветров пока спасают не собственная конкурентоспособность, а дотационное одеяло.

Кризис показал, что дотации не могут быть вечными и столь же щедрыми как раньше.

Кроме того, рано или поздно, но страна вступит в ВТО.

Это снимает ограничения, дававшие на местном рынке отечественному производителю конкурентные преимущества перед зарубежным, и тогда его более дешёвая и качественная продукция непременно вытеснит местную.

Для отечественных же потребителей такие изменения получается, вроде как, благо. Но, с другой стороны, они в не малом количестве будут состоять и из потерявших работу по причине ликвидации производств, продукция которых стала никому не нужной.

С доходами, для покупки подешевевших вдруг товаров у них, по понятным причинам, тоже будут проблемы, что, в свою очередь, грозит обернуться очень серьёзными проблемами для власти.

Отчёт времени начался ещё вчера, а час икс может наступить так, что не успеешь и оглянуться.

Профилактикой от этого может служить только одно— активное занятие именно абсолютной модернизацией.

Содержание одной коровы, дающей 10000 кг. обходится дешевле, чем десяти коров, дающих по 1000 кг. Одна медицинская клиника мирового уровня, как по оснащённости, так и персоналу, более эффективна (качество лечения и пропускная способность), чем несколько клиник местечкового уровня вместе взятые, которые можно содержать на те же самые деньги. Точно так же обстоят дела в любой отрасли.

– Как тогда быть с высвобождающимися работниками?

– А почему они должны оставаться не у дел?

Если мы хотим сохранить валовый региональный продукт (ВРП), приходящийся на одного жителя, таким, какой он и есть, то такие инновации, конечно же, могут привести к тому, что 90% трудоспособного населения окажется выброшенным на улицу. Однако, если иметь в виду, что дагестанский удельный ВРП в 3—4 раза ниже среднего по России и раз в 10—12 ниже среднего, например, по США или Японии, а мы хотим за счёт ускоренной модернизации выбираться на мировой уровень по качеству жизни, то его можно обеспечить только за счёт приближения к такому же уровню и нашего удельного ВРП.

Этого невозможно достичь, когда 10% трудоспособного населения трудится с американской производительностью, а остальные довольствуются пособиями по безработице. Соотношение должно быть прямо противоположным. Так что, если всё делать правильно, никакого фантастиче-

ского всплеска безработицы не будет.

Мало того, может даже возникнуть проблема нехватки рабочей силы.

Но высококвалифицированной!

В основу движения в нужном направлении у нас мог бы лечь проект «Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2020 года», который, по сути, и есть проект модернизации республики.

К сожалению, этот документ может сыграть такую роль далеко не лучшим образом.

В своё время я много чего критического писал о её первом варианте и это же можно отнести ко второму – по нему тоже высказался – который отличается от предшественника только тем, что он обошёл заказчика на порядок большую сумму и прежнее содержание просто закамуфлировано изменившимся оглавлением и графиками с диаграммами в цветном исполнении.

То, что президент предложил Народному собранию воздержаться пока от окончательного утверждения Стратегии, выглядит вполне разумно.

Здесь, думаю, дело даже не в чьё-то критике.

Просто вопрос слишком серьёзный и новой администрации, наверное, нужно определиться в своём отношении к нему.

Хочется верить, что она при этом будет более восприим-

чива к тем замечаниям, которые в своё время раздавались в адрес проекта.

На прошлой неделе в газете «Республика» была опубликована статья Михаила Чернышёва, посвящённая проекту Стратегии.

В ней он предлагает начать разработку его нового варианта непосредственно самим Правительством республики.

Думаю, это предложение ошибочно. И причины тому, на мой взгляд, две.

Во первых, не есть хорошо, когда орган исполнительной власти сам для себя будет определять стратегические цели. Принцип разделения властей в мире придуман не зря.

Не говоря о государственном, но даже в корпоративном управлении существует совет директоров, определяющий стратегию и исполнительный орган, занимающийся её претворением в жизнь.

Разработчики Стратегии, конечно же, не представляют из себя некую ветвь власти, но, во всяком случае, они в своих предложениях не стеснены тем обстоятельством, что им же предстоит их выполнять и не будут излишне перестраховываться. Да и сложившуюся годами инерцию мышления всегда полезно проверить свежим взглядом со стороны.

Глаз, как известно, имеет свойство замыливаться.

Во вторых, правительство это не исследовательская или проектная организация. Оно структурно и кадрово ориенти-

ровано совсем на другие цели и выполнение несвойственных для себя функций не может не помешать его основной деятельности.

К тому же оно, по понятным причинам кадрового характера, не самым квалифицированным образом будет их выполнять.

Думаю, что с него будет достаточно и довольно ответственной функции заказчика.

Понятия инновация и модернизация у нас обычно ассоциируют с такими вещами как исследование, внедрение, технологические прорывы..., короче – Силиконовая долина.

Вместе с тем, нечто подобное является прежде всего прерогативой федерального центра и он им воде бы уже начал заниматься.

Если же говорить о приоритете региона в деле модернизации, то его можно выразить одной фразой – формирование привлекательного инвестиционного климата.

Тогда придёт капитал, который и принесёт с собой технологические прорывы.

Это уже его проблемы и он сам прекрасно справляется с ними. Подсказок и уговоров ему не требуется, поскольку это вопрос выживания в конкурентной среде.

– Что такое привлекательный инвестиционный климат?

– Это физическая безопасность; права собственников, гарантированные справедливым судопроизводством; добросо-

вестная конкуренция, исключая преференции избранным; доступность кредитов (субсидирование ставки); наличие и доступность коммуникаций (цена подключения и пр.); разумное налогообложение; отсутствие чиновничьего произвола.

В сравнении с «Силиконовой долиной», на создание которой федералы вроде бы собираются крупно потратиться, обеспечение джентльменского набора, перечисленного выше, при нынешних стартовых условиях в республике будет подобны подвигам Геракла.

Однако, другого нам не дано.

Все развитые страны шли именно таким путём – формирование среды комфортной для бизнеса.

На это же нацелены сегодня те развивающиеся государства, что демонстрируют наиболее высокие темпы роста.

Результат же возможен только через жёсткий и оперативный спрос с ответственных лиц по всей властной вертикали. Не получается? Уходи.

P.S. У читателя может возникнуть вопрос:

– А где же наше дежурное блюдо – борьба с коррупцией? Как же без неё двигаться к сияющим вершинам.

Отвечаю: – С коррупцией не нужно бороться специально. Если в республике сформируется благоприятный инвестиционный климат, это будет означать, что она, конечно же, не исчезла, но загнана в самый дальний угол.

Борьба за модернизацию по всем перечисленным выше позициям это и есть борьба с коррупцией.

Земельный ответ

I

Земельный вопрос в Дагестане можно сравнить с вечно тлеющими углями, которые слегка присыпаны пеплом.

Время от времени сквозь него выбиваются язычки пламени, но чиновники кидаются к ним с лопаточками и слой пепла восстанавливается... А угли остаются. Достаточно подбросить немного дровишек или плеснуть бензинчиком и запылает. Никакие лопаточки не спасут.

Нельзя сказать, что власть и прогрессивная общественность не осознаёт угрозы. Осознаёт. Много лет уже, как осознаёт.

С того самого времени, когда принимался закон о земле, в котором вместо права частной собственности на неё было предусмотрено право аренды на 49 лет, как раз из опасений, что собственность якобы таит в себе потенциал больших неприятностей. Особенно в такой опять же якобы малоземельной республике, как Дагестан.

Об угрозе твердят со всех трибун и вальяжные чиновники, и высоколобая профессура и акулы пера – журналисты.

Активность говорильни возрастает в периоды, когда

в очередной раз где-нибудь группа аборигенов, считающих себя незаслуженно обделёнными землицей, перекрывает или собирается перекрыть какую-либо транспортную артерию или, не дай бог, назревает угроза силового противостояния – стенка на стенку.

В горячую точку немедленно десантируется высокое милицейское, ах, извините, уже полицейское начальство, которое объясняет разгорячённой публике, как нехорошо они поступают (или собираются поступить).

Параллельно туда же командировается какой-либо высокопоставленный чиновник, ну, на худой конец, депутат, желательно соплеменник впавших в волнение граждан, который уговаривает их проявлять сабур и заверяет, что всё будет решаться по закону и справедливости.

Профессура тотчас начинает строчить очередную статью, в которой, как и десять лет назад сокрушается, что земля приходит в запустение, что государство не уделяет этому должного внимания, не финансирует, не мелиорирует, волокитит, игнорирует желающих поработать на ней и вообще отдало всё на откуп каким-то сомнительным личностям.

Журналисты официозов, стараясь соблюсти политкорректность, вроде как, отстранённо несут читателям «вести с полей» битвы за землю, старательно выводя при этом из под удара чиновничество.

Что же касается жутко независимых СМИ, то их хлебом

не корми, а дай возможность лягнуть то самое чиновничество, которое, надо же, вновь опростоволосилось, поскольку так ничего и не решило кардинально.

Одновременно чувствуется и некий подтекст, что они-то — журналисты, в отличие от бездарей в галстуках точно знают как следует поступать и где собака зарыта.

Однако, почему-то так никогда и не сообщают, где именно. Короче, работы хватает всем.

Вплоть до следующего обострения.

Мы можем наблюдать в телевизоре, что и в какой-нибудь Франции или Испании фермеры (водители, уборщики мусора и даже полицейские) в знак протеста тоже выходят на улицы и перекрывают дороги, требуя чего-то.

Это как-то обнадеживает.

Значит и у нас всё, как у людей, в смысле — торжество демократии.

Да нет, не торжество.

У них, обычно, протестуют против каких-то действующих, либо готовящихся к принятию законов или норм.

Во всех остальных случаях, когда кто-то считает, что его права, оговоренные, как раз, законодательством, ущемлены, он не выходит с протестом на улицу, а обращается в суд.

Вы когда-нибудь слышали про нечто подобное в Дагестане?

Против законов у нас никто никогда не протестует.

Они – и принятые, и принимаемые вообще мало кого интересуют.

Зачастую, кстати, и многих депутатов.

(Тем из них, у кого от моих слов закипел «разум возмущённый», предлагаю вспомнить, как они после вялого обсуждения в течение 5—10 минут, а то и вовсе без обсуждения со свистом принимали многие законы или поправки к ним.)

– Почему такое отношение к законам со стороны даже законодателей?

– Да потому что жизнь у нас построена по понятиям, а суд, как правило, не воспринимается в качестве гаранта законности. Вот и перекрываются, если что, дороги, руководствуясь этими самими понятиями.

Причём, у каждого они свои.

Дагестанской научной мысли принадлежит целая россыпь перлов, являющихся примерами экономического идиотизма.

Ну, типа, что пшеницу необходимо сажать ради обеспечения продовольственной безопасности (даже, если её дешевле купить у соседей), что электростанции необходимо строить ради обеспечения энергетической безопасности (а не доходов), что становым хребтом экономики и двигателем прогресса у нас должно быть непременно машиностро-

ение (а почему, к примеру, не производство памперсов или выращивание огурцов?), что Дагестан является депрессивным регионом (а как быть с демонстрируемыми уже который год темпами роста ВРП?).

Перлы перлами, но они ложатся в основу стратегий развития, определяют приоритеты и воспринимаются властными структурами как отправные точки для формирования нашей экономической политики.

К той же категории относится и такая жемчужина – ежели у нас каждый второй проживает в сельской местности, то, по умолчанию, они непременно должны быть аграриями.

Вот и земельный вопрос требует соответствующего этому факту решения. Иначе всем будет хана.

Ребята. Это даже не прошлый, а позапрошлый – XIX век.

Самое интересное, что разговор ведётся на фоне нескончаемых заклинаний о необходимости инноваций-модернизаций и, страшно даже подумать, марш-броска в постиндустриальное общество.

Для сравнения, в современной Голландии сельхозпроизводством занята вовсе не половина, а менее 1% (!) трудоспособного населения.

При этом, обладая территорией, составляющей 80% от дагестанской, она является мировым лидером по площадям теплиц и входит в первую пятёрку государств Европы

по производству сыра и масла.

Такого мизера аграриев хватает им, в том числе, и для того, чтобы управляться с впятеро большим, чем у нас стадом крупного рогатого скота.

И не какого-нибудь.

К примеру, каждая голландская бурёнка даёт в 8 раз больше молока, чем её дагестанская коллега.

У тех же американцев в сельском хозяйстве занято лишь 2,5% трудоспособного населения, которое не только кормит огромную страну, но и экспортирует сельхозпродукцию в объёмах, составляющих 50% мирового экспорта продовольствия (!).

Ну, и в каком направлении мы нацелились тянуть республику, где для занятия сельскохозяйственным производством по современным меркам работников должно быть на порядок меньше, чем мы имеем, и которые, к тому же, должны производить раз в десять больше, чем сейчас.

Куда девать остальных и даже куда они деваются сейчас – совсем другая тема. Однако, ясно одно – речь не может идти о возврате к мелкотоварному производству и, соответственно, патриархальному быту.

Ещё одним из мифов дагестанской экономической мысли являются нескончаемые раговоры о нашей малоземельности.

Приведу для сравнение таблицу с показателями плотности населения из расчёта количество жителей, приходящихся на 1км^2 территории.

Дагестан	55
Краснодарский край	70
Ставропольский край	43
Голландия	394
Израиль	355

Как видите, мы не сильно отличаемся от своих соседей, являющихся одними из главных житниц России.

Если же сравнивать с заграницей, то израильтяне с голландцами по причине малоземелья в сравнении с нами, наверное, должны повеситься.

Но ничего. Выживают и очень даже неплохо.

Апологетами идеи малоземелья в качестве аргумента приводится тот факт, что треть территории республики занята горами.

Я не буду рассуждать о том, что из этого факта вовсе ещё не следует то, что обычно имеется в виду.

Просто сообщу только, что в Израиле, территория которого, при населении почти втрое большем, в два с половиной раза меньше дагестанской, пустыня занимает её 60%.

Плюс ещё более 20% – каменистые горы, на которых практически ничего не растёт.

Плюс солнце, которое буквально выжигает всё, и хрони-

ческий недостаток воды, запасы которой у них, в сравнении с Дагестаном, смехотворны.

Тем не менее, например, продуктивность израильского молочного стада ровно в десять раз выше дагестанского.

Приведённые цифры занятости населения в сельскохозяйственном производстве однозначно свидетельствуют – если Дагестан действительно намерен двигаться в том же направлении, что и весь цивилизованный мир, а не оставаться в XIX веке, то его население будет по нарастающей вытесняться из аграрного сектора экономики, что в последние десятилетия и происходит с разной степенью интенсивности.

Этот процесс объективен.

В то же время, он означает, что сохранение действующей сейчас земельной политики будет вести только к ещё большему усилению социальной напряжённости и, соответственно, конфронтации.

II

В своём последнем послании президент республики заявил, и по сути сенсационно, что «отказ от собственности на землю показал свою неэффективность – ни с экономической, ни с политической точки зрения».

Правда, следом добавил, что это его личное мнение и вопрос «требуется очень серьезного, взвешенного, широкого об-

суждения».

Что ж – он имеет право на собственное мнение не только в качестве должностного лица, но и как просто гражданин.

Тем более, что, вроде бы, не собирается его никому навязывать.

Почтенная публика сразу же активизировалась и начала обсуждение предлагаемой новации на заседаниях и совещаниях.

Естественно, никто не против. А кто возразит президенту? У нас так не принято.

Тем не менее, активистами демонстрируется похвальная забота, что всё должно делаться по уму, то есть, опять-таки, строго в соответствии с тем, как учит президент.

А то, не дай бог, земля попадёт вовсе не в руки тех, кто её обрабатывает, да и прочего негатива надо бы избежать.

По уму это, конечно же, хорошо. Однако никто из мудрецов не пытается для начала объяснить – а от чего, всё-таки при праве аренды на 49 лет, земля во многом оказалась в таком состоянии, ну и прочий негатив.

Неужто, все нынешние «арендаторы» (да простят меня те, кто занят сельхозпроизводством всерьёз) считают, что полвека никак не подходит.

Ну, прямо рука у них не поднимается и они готовы ждать ещё непонятно чего, как собака на сене.

А вот если бы в собственность, то со всей душой... Хоть завтра и вспашут, и засеют.

А разве 49 лет не есть фактически весь трудоспособный период жизни человека? Чего ради, находясь при земле, попусту тратить целую жизнь, убивая в себе агрария?

Если, конечно, он таков на самом деле.

Почему десятилетиями не получать от земли отдачу, если, беря в аренду, действительно собирался заниматься сельхоз-производством?

Безусловно, с юридической точки зрения, право собственности и право аренды являются абсолютно разными категориями.

Однако, с точки зрения экономической, если речь идёт о размере арендной платы, соизмеримого с налогом на землю, который платил бы собственник, и сроке аренды длиной почти во всю активную жизнь, я не вижу оснований рассматривать их, как «лёд и пламень».

Напротив – они очень близки друг к другу.

Тем более, что и по истечению срока арендатор располагает преимущественным правом на продление аренды или приватизацию этой самой земли.

Так от чего тогда при замена права аренды на право собственности должны произойти какие-то революционные изменения в деле землепользования, состояние которого оценивается всеми без исключения как неудовлетворительное?

Не считая проблем с разделением на федеральную, республиканскую и муниципальную собственность, земельная политика в Дагестане имеет ещё два серьёзных недостатка.

Первый – действительно отсутствие права частной собственности на землю, лишаящее сельхозпроизводителей возможности кредитования, используя это право в качестве залога (на предложение в качестве залога права аренды банки реагируют очень кисло). Оно не может не сказываться на величине финансовых потоков, которых можно было бы развернуть в сторону аграрного сектора. Это достаточно весомо.

Второй недостаток – отсутствие нормального оборота земель сельскохозяйственного назначения, позволяющего попасть им в руки наиболее эффективного собственника.

И вот здесь не факт, что причиной негатива является отсутствие всё того же права частной собственности, хотя со стороны может именно так и показаться.

В этом деле «ноги» растут из совсем другого места. Приватизация, безусловно, ничего не ухудшит, но, убеждён, если сохранять без изменений некоторые сопутствующие реалии, ничего особо и не улучшит.

Мало того, благодаря этим реалиям, и в кредитовании они будут вязать руки, в результате чего ситуация в этом вопросе тоже не изменится.

Возможности-то по части залога у собственников появят-

ся, но, чтобы воспользоваться ими, очередь в банк выстраиваться не будет.

Побывал я как-то в одном районном центре, где при подъезде к нему обратил внимание на тянущуюся вдоль обочины свежесозданную проволочную ограду. Кривовата-косовата, но она вполне осязаемо обозначала чьи-то обширные для горных условий земельные владения – «Посторонним вход воспрещён!».

За оградой виднелись какие-то малорослые хилые саженцы, а точнее их макушки, выглядывающие из громадной чуть ли не с человеческий рост стены сорняков. Конечно, эту картину при желании можно было бы объяснить отсутствием права собственности. Вот если бы был хозяин...

– Но какова уверенность, что её «нарисовал» не собственник, купивший в своё время у земляков пай бывшего колхоза – совхоза, а нерадивый арендатор, которому всё до лампочки?

Лично я считаю, что огородивший землю товарищ в равной степени может оказаться и тем, и другим.

Никаким сельским хозяйством он пока заниматься не собирается, а деревья посадил для того, чтобы избежать обвинений в том, что не использует землю по назначению.

Мало того, как мрачно заметил товарищ, с которым я поделился своим наблюдением, «аграрий», наверняка получает ещё и дотацию из бюджета за каждый свой саженец. – А чо

деньгам пропадать?

Перейдём от рассуждений вообще к конкретике цифр.

Ниже приведена кадастровая стоимость в рублях на одну сотку земель, отнесённых к сельхозугодьям, в некоторых районах республики, утверждённая Правительством РД в конце прошлого года. (В остальных картина такая же.)

	минимальная	максимальная	средняя
Дербентский	55,76	545,72	208,91
Кизлярский	35,31	428,82	262,43
Кумторкалинский	37,10	495,33	165,99
Лакский	86,78	190,47	121,55
Левашинский	115,25	176,80	161,29
Унцукульский	97,75	150,43	116,77
Республика Дагестан	10,62	570,77	161,29

Всех почему-то гипнотизирует термин кадастровая стоимость. А это, как я уже замечал ранее, просто рыночная стоимость, определённая методом массовой оценки.

Если произвести оценку рыночной стоимости какого-то определённого земельного участка, то она должна оказаться где-то поблизости от его же кадастровой стоимости, а не отличаться в разы.

Так вот, получается, что у нас в Дагестане самые лакомые участки сельхозугодий можно приобрести по цене в среднем

50—60 тысяч рублей за гектар (500—600 рублей сотка). Ну а совсем уж неудобья обойдутся в 1—11 тысяч (10—110 рублей сотка).

Интересно, в каком -нибудь районе республики кто-нибудь согласится продать, к примеру, мне немножко самых неудобных сельхозугодий по цене 10—100 рублей за сотку?

Но об этом попозже... А пока из приведённых цифр следует, что земельный налог собственника угодий (0,3% от кадастровой стоимости) составляет в среднем по республике от 3 (неудобья), до 171 (супер «удобья») рубля за гектар (!) в год (!) или же от 25 копеек до 14, 5 рублей в месяц.

То есть, владелец двадцати-тридцати гектаров даже самых завидных земель в самом завидном регионе, которые ему удалось в своё время каким-то образом отхватить, обременён необходимостью платить за это 3—5 тысяч рублей в год, что соответствует нескольким сотням рублей в месяц.

Но это же просто семечки, а не деньги, даже для пенсионера.

III

Перейдем теперь к арендным отношениям.

В последние годы экономическая сторона дела в этом вопросе регулируется Постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. N 582 г. «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков...».

Один из принципов, которым должны придерживаться все, кто имеет отношение к земельным вопросам в РФ, является тот, что стоимость аренды должна соответствовать доходности земельного участка, допускается её определение на основе кадастровой стоимости и вообще величина арендной стоимости не может сильно отличаться от размера земельного налога.

Из этого следует, что в экономическом отношении аренда земли для арендатора должна быть обременительна почти в той же степени, что и налог на землю для собственника.

То есть, смена статуса арендатора на собственника в этом плане мало что меняет.

А вообще-то, насколько в реальности тяжела для дагестанского агрария необходимость платить земельный налог или арендную плату?

Для ответа возьмём, к примеру, самую ординарную культуру – картофель.

При средней урожайности по республике порядка 150 центнеров и закупочных ценах у производителя, скажем, пять рублей за килограмм один гектар даёт 75 тысяч рублей дохода, из которых по статье расходов налог на землю составит в среднем порядка 50—60 (!) рублей или менее 0,1% дохода. Но ведь при надлежащем уходе урожайность может быть в разы выше, да и закупочные цены могут оказаться значительно большими.

В этом случае доходы с гектара тоже подскакивают в несколько раз, а земельный налог, который в абсолютном выражении остаётся всё тем же, на этом фоне становится уже совсем эфемерным.

Примерно такая же ситуация и с арендной платой.

Так в чём смысл этих игр для государства?

– Фискальный, ради пополнения бюджета?

– Не смешите людей. При бюджете республики на текущий год в 65 миллиардов рублей и 100% собираемости (фактически же она менее 10%) доходы от земельного налога и платы за аренду земель сельскохозяйственного назначения должны быть порядка 200—300 миллионов рублей. То есть, даже в идеале их доля в бюджете республики может составить где-то смехотворные 0,3—0,4%.

И совсем уже становится не смешно, если иметь в виду, что земли сельхозназначения – основное богатство, которым может распоряжаться республика, занимают (вспомним Израиль) 86% общей площади её земель.

Рассмотрим ситуацию и с другой стороны.

Нравится кому или нет, но частная собственность, в том числе и на землю, есть основа нормальной экономики.

Однако, капиталистический способ производства не сводится только к собственности. Иначе эффект от неё будет ничем не выше, а возможно и ниже чем от того, что мы привыкли называть социалистическим.

Для того, чтобы собственность работала ей необходима правовая среда в виде институтов в чём-то ограничивающего, а в чём-то стимулирующего характера.

Речь идёт, прежде всего, об антимонопольном и налоговом законодательстве.

Каждый собственник должен чувствовать, что владение имуществом есть не только приятность, но и ответственность в виде бремени, стимулирующем в направлении наиболее эффективного использования, а не пассивного накопления.

– Не способен его нести?

– Избавляйся от такого имущества, иначе разоришься окончательно.

Это один из столпов любой приличной экономики. В противном случае у неё возникают «тромбы» и начинается гниение.

Но разве необходимость платить сотню – другую рублей в год за гектар это бремя и стимул? Опять хочется сказать – не смешите людей.

Наконец, взгляд ещё с одной позиции.

В законодательстве, помимо налогообложения, инструментом, призванным предупреждать «тромбоз», является прекращении прав на земельные участки для лиц, не обеспечивающих надлежащее использование земель.

– Ну и как он работает?

«Не осуществляется муниципальный земельный контроль за использованием земель и полностью (!!! – И.У.) отсутствует информация о фактах принудительного прекращения права пользования земельными участками».

Это цитата из недавнего доклада замминистра земельных и имущественных отношений РД Бабаханова С. на коллегии министерства.

Он же сообщил, что такая картина наблюдается и на уровне республиканских ведомств. То есть КПД этого инструментария фактически равен нулю.

– Причина?

– Она на поверхности и имя ей коррупция.

В делах земельных, как и в остальных у нас «рука руку моет».

К тому же, «не надлежащее использование» даже без коррупционной составляющей есть понятие довольно расплывчатое.

Оно позволяет какому-нибудь арендатору или собственнику «Ляпкину-Тяпкину» (что физическому лицу, что юридическому) заниматься землёй через пень – колоду.

И не придерёшься. Разве он не занимается?

«В республике имеются хозяйства, где с гектара угодий получают валовой продукции на 500 (!!!) рублей» – это я цитирую уже Минсельхоз РД.

В результате земля фактически не работает, а её оборот

в пользу наиболее эффективного собственника всё также остаётся заблокированным.

Причины сохранения и даже роста напряжённости в обществе, связанные с земельными отношениями, которые я предрекал в самом начале публикации, заключаются не только в перспективах вытеснения 80—90% сельского работоспособного населения из сферы сельхозпроизводства.

(Урбанизация процесс объективный и никакие воздеяния рук здесь не помогут.)

Она и в том, что земля – один из самых ценных ресурсов превращена в халяву, которую, как известно, любят все и поэтому готовы за неё перегрызть друг другу глотки.

Платежи смехотворные, а фактический рост стоимости (капитализация) стабилен, плюс, при желании, возможность сдавать в аренду, а арендаторам – в субаренду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.